

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СЕПАРАТИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ**

МОСКВА 2015

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**СЕПАРАТИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ**

**Доклады Института Европы
№ 318**

Москва 2015

УДК 323.173(4)(063)
ББК 66.3(4),53я431
С31

Редакционный совет:
Ал.А. Громько (председатель),
Е.В. Ананьева, Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией П.Е. Канделя

Рецензенты:

Едемский Андрей Борисович, кандидат исторических наук
Швейцер Владимир Яковлевич, доктор исторических наук

Номер государственной регистрации: № 115022670064
«Комплексные исследования экономического, политического
и социального развития стран и регионов Европейского
континента на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Сепаратизм в политической жизни современной Европы = Separatism in the political life of modern Europe / [под ред. П.Е. Канделя]. – М. : Ин-т Европы РАН , 2015. – 88 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 318). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-061-3.

Настоящий сборник подготовлен по материалам круглого стола, прошедшего 3 июня 2015 г. в Институте Европы РАН, который был посвящён анализу сепаратистских проявлений в политической практике европейских государств после неудачи референдумов о независимости Шотландии и Каталонии.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-061-3.

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2015

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**SEPARATISM IN THE POLITICAL
LIFE OF MODERN EUROPE**

**Reports of the Institute of Europe
№ 318**

Moscow 2015

Аннотация

В сборнике собраны сообщения участников круглого стола «Сепаратизм в политической жизни современной Европы», который состоялся 3 июня 2015 г. в Институте Европы РАН. Его целью был анализ сепаратистских проявлений в политической практике европейских государств после неудачи референдумов о независимости Шотландии и Каталонии. В этом контексте оценивался политический потенциал и электоральные позиции партий и организаций сепаратистской направленности (на основе опросов и результатов выборов), их стратегические цели и тактические задачи. Рассматривались степень популярности сепаратистских устремлений и вероятность их реализации, реакция влиятельных внутренних и внешних акторов. Авторы, по-разному относящиеся к самой проблеме сепаратизма, изложили своё видение, которое редактор не считал вправе дополнять или корректировать. Сборник не претендует на всеохватное освещение темы, но показывает, что сепаратистский вызов, хотя и неактуальный в настоящее время, нельзя считать вычеркнутым из повестки дня.

Annotation

This collection consists of reports by participants of the round table «Separatism in the Political Life of Modern Europe», held at the Institute of Europe RAS on June 3, 2015. The authors analyzed separatist manifestations in the political life of European states after the outcome of the referenda on Scottish and Catalonia independence, especially their political potential and electoral positions of separatist parties and organizations (according to polls and the election results data), their strategic goals and tactic objectives. Light is also shed upon the popularity of separatist aspirations and probability of their realization along with responses to this challenge of influential domestic and external actors. Contributions included hold different views on separatism which reflect their authors' standing, and are left unedited.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Носов М.Г.</i> Введение.....	7
<i>Язькова А.А.</i> Сепаратизм в контексте международного права.....	10
<i>Кандель П.Е.</i> Сепаратизм и современные отношения России с ЕС и США.....	16
<i>Силаев Н.Ю.</i> О фрагментации государства, эволюции этнических движений и сепаратизме в России.....	23
<i>Ананьева Е.В.</i> Референдум о независимости Шотландии: цепная реакция.....	42
<i>Верников В.Л.</i> Каталонские националисты просчитались.....	54
<i>Сорвина М.Ю.</i> Политические силы Южного Тироля и его автономия.....	59
<i>Рубинский Ю.И.</i> Корсиканский национализм и его пределы.....	67
<i>Забелин С.А.</i> Перспективы урегулирования конфликта на Кипре.....	71
<i>Тэвдой-Бурмули А.И.</i> Фламандский сепаратизм вчера и сегодня.....	77

CONTENTS

<i>Nosov M.G.</i> Introduction.....	7
<i>Yazkova A.A.</i> Separatism in the context of international law.....	10
<i>Kandel P.E.</i> Separatism in the context of contemporary Russia's relations with the EU and the US.....	16
<i>Silaev N.Yu.</i> On fragmentation of the state, the evolution of ethnic movements and separatism in Russia.....	23
<i>Ananieva E.V.</i> Referendum on Scottish independence: a chain reaction.....	42
<i>Vernikov V.L.</i> Catalan nationalists have miscalculated.....	54
<i>Corvina M.Yu.</i> Political forces of South Tyrol and its autonomy.....	59
<i>Rubinsky Yu.I.</i> Corsican nationalism and its limits.....	67
<i>Zabelin S.A.</i> The prospects for conflict settlement in Cyprus.....	71
<i>Tevdoy-Burmuli A.I.</i> Flemish separatism yesterday and today.....	77

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, к сожалению, осталось мало политических событий, которые так или иначе не связаны с проблемами сепаратизма. В 2015 г. исполнилось 70 лет со дня окончания Второй мировой войны, Ялтинской и Потсдамской конференций. Одной из причин развала политической системы, созданной в результате этих событий, стал сепаратизм. Достаточно вспомнить процесс развала «нерушимого» Советского Союза, а затем и коррозию, поедающую СНГ. Можно рассуждать, чем был мотивирован развал СССР – сепаратизмом или стремлением к национальной независимости, но, если смотреть из Москвы, очевидно, это был сепаратизм. От ельцинского «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» сегодня мы перешли к попыткам создать интеграционное сообщество, однако, как мне кажется, груз сепаратизма будет ещё долго мешать переходу к равноправному и взаимовыгодному союзу.

Любой сепаратизм имеет свою историю, свои аргументы и обоснования, свои цели, свои методы реализации. Говоря о сепаратизме, можно, перефразируя слова Льва Толстого, сказать, что «каждый сепаратизм несчастлив по-своему». Впрочем, есть и некоторые исключения, когда руководители государства понимают, что лучше потерять часть территории, чем ждать проявлений сепаратизма. Примером может служить Чехословакия, где словацкий сепаратизм, хотя по сегодняшним меркам и в мягкой форме, существовал с момента распада Австро-Венгерской империи. В Великобритании и Канаде проблемы сепаратизма пытаются решить в правовых рамках.

В советское время официально сепаратизма в СССР не было, хотя под ковром постоянно тлели процессы национализма. У «них» почти во всех случаях, с нашей точки зрения, шла «национально-освободительная борьба», которой мы активно помогали деньгами, оружием, «ленинской школой». Речь шла не

---

* Носов Михаил Григорьевич, член-корреспондент РАН, зам. директора ИЕ РАН.

только о борцах с колониализмом, но и, например, о бойцах Ирландской Республиканской Армии или о курдах. В республиках Советского Союза сепаратизму, имевшему форму национализма, противостоял «второй секретарь республиканского ЦК КПСС», как правило, русский и национальная политика Москвы, которая по своей сути была направлена на подавление любых проявлений национализма. Распад СССР высвободил дремавшие конфликты, последствия которых на постсоветском пространстве хорошо известны. В XXI в. Россия стала чемпионом по содействию в создании государств на основе сепаратизма. В тоже время после возвращения Крыма в «родную гавань» наше отношение к сепаратизму определяется тем, что «призывы к сепаратизму», согласно принятым Думой в июле 2014 г. поправкам к УК РФ, наказывают принудительными работами, лишением свободы до 5 лет и правом занимать определённые должности до трёх лет. История большинства случаев сепаратизма связана с формированием и распадом государств, будь то сепаратизм национальный или религиозный. Исключением можно считать такое явление, как экономический сепаратизм, когда развитая часть мононационального государства требует отделения или автономии от собственной неразвитой части. Существует и то, что я бы назвал «фейковым сепаратизмом», когда маргинальные политики привлекают к себе внимание призывами к отделению, что находит поддержку в основном на телевидении государств, не имеющих никакого отношения к лже-сепаратистам.

«Несчастливость» сепаратизма в подавляющем большинстве случаев связана с тем, что попытки отделения требуют огромных человеческих и материальных жертв. Достаточно вспомнить две Чеченские войны, сегодняшние события в Украине. Сепаратизм служит и источником, и питательной средой для терроризма. Терроризм «Аль-Каиды» внешне не связан с территориальным и национальным сепаратизмом. Однако в фундаменте идеологии «Аль-Каиды» и ИГИЛ лежит религиозный экстремизм – создание всемирного халифата, что заложено в «конечности» Ислама, призывающего к обращению в Ислам всего человечества, и превращение иноверцев в «покровительствуемых» – «ахл аз-зимма», при условии уплаты ими установленных «ум-

мой» налогов¹. Судьбу тех, кто платить откажется, можно легко себе представить, исходя из опыта ИГИЛ в Сирии и Ираке.

По оценкам, в мире сегодня существует около 50 основных очагов сепаратизма, в которые вовлечены свыше 220 млн человек. 20 подобных очагов находится в Европе. Если подсчитать сепаратистские партии, движения и военные организации только в Европе, то их количество приближается к 200. Среди них есть и легальные организации, хотя многие остаются на нелегальном положении. Даже в благополучной Финляндии существуют такие партии, как «Будущее Аландов» и «Саамский парламент». Самое большое количество сепаратистских организаций находится в Испании, Италии и Франции. Среди них есть такие хорошо известные организации, как запрещённая «Батасуна» и такая достаточно экзотичная партия, как созданная в 2005 г. «Ницианские повстанцы – Nissa rebela»². Как показывает история, эволюция этих движений может быть крайне неожиданной и весьма опасной, что происходит как под воздействием внутренних проблем, так и под внешним влиянием. Отсюда вытекает проблема «цветных революций», последствия которых часто связаны с проблемами сепаратизма.

Как будет развиваться сепаратизм в Европе сегодня сказать достаточно сложно. С одной стороны, на континенте есть устойчивая тенденция к интеграции. Однако нарастание миграционных проблем, религиозное противостояние, социальное неравенство могут усилить сепаратистские тенденции даже в странах входящих в ЕС. Что касается европейских стран вне ЕС, то здесь существует ряд конфликтов на основе сепаратизма, последствия которых уже сегодня крайне опасны. Надеюсь, что все эти вопросы окажутся в фокусе нашего сегодняшнего обсуждения.

---

¹ История знает примеры подобного религиозного экстремизма, достаточно вспомнить Крестовые походы против «неверных».

² В 2014 г. футболисты «Графства Ницца» стали чемпионами мира на первенстве команд непризнанных государств в Швеции, в котором участвовали команды Южной Осетии, Абхазии, Нагорного Карабаха, Курдистана, Окситании, Падании, Лапландии, Дарфура, Тамии, Ассирии, Занзибара и Острова Мэн.

СЕПАРАТИЗМ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Понятие «сепаратизм» трактуется в современной политико-правовой практике достаточно широко. Под ним подразумевают: выдвижение требований самоопределения части территорий государств, их последующего отделения и обретения независимости (сецессионизм); применение противозаконных (силовых) методов борьбы за расширение автономных, федеративных, конфедеративных прав. В некоторых случаях сепаратистские движения (группы) могут действовать в сопредельных странах, выступая за объединение с соседней страной или её частью (ирредентизм). Сепаратистские движения создают политические партии, как правило, националистической окраски, военные (террористические) формирования и, если возможно, «правительства в изгнании». В современной Европе проявления сепаратизма достаточно многочисленны, но мало какие из них имеют шансы на успех, особенно если речь идёт о расчленении существующих и образовании новых государств. Возможности самоопределения территорий и национально-этнических групп регулируются принятыми после Второй мировой войны документами. В них дана трактовка территориальной целостности государств и, соответственно, прав народов на самоопределение.

На предшествующих этапах европейской истории идея самоопределения складывалась в соответствии с теорией естественного права, к которой в XIX в. апеллировали национальные и революционные движения, выступавшие за независимость Греции, Польши, объединение Италии и германских земель. Сам термин «самоопределение наций» впервые появился в документах Берлинского конгресса 1878 г., тогда же была введена в оборот формула «право наций на самоопределение». В 1896 г. она была включена в документы Лондонского конгресса II Интернационала.

---

* Язькова Алла Алексеевна, д.и.н., зав. Отделом черноморско-средиземноморских исследований ИЕ РАН.

После Первой мировой войны эти формулы активно использовались в ходе послевоенного мирного урегулирования. В январе 1918 г. президент США Вудро Вильсон выступил с программой мирного урегулирования («14 пунктов Вильсона»), в которой предусматривалось право народов на самоопределение. Однако в дальнейшем и он сам, и европейские страны, участники Версальской конференции право на самоопределение трактовали избирательно, в соответствии с политическими интересами победивших держав.

Версальская система мирных договоров оказалась непрочной и недолговечной, в том числе, из-за нараставшего под лозунгами самоопределения агрессивного сепаратизма, которому не смогли противостоять ни сами западные державы, ни созданная на основе решений Версальской конференции Лига Наций.

После Второй мировой войны в принятые на этапе мирного урегулирования важнейшие документы были внесены существенные коррективы. На конференции в Сан-Франциско (май 1945 г.) в основном документе международного права – Уставе ООН, где первоначально говорилось о «праве наций на самоопределение», формулировка была изменена, поскольку юристы увидели в ней целый ряд противоречий. Выдвигались, в частности, возражения по поводу неопределённости терминов «народ» и «нация», поскольку их можно было трактовать и как группы, идентичные с населением отдельных государств, и как национально-этнические группы.

В конечном счете идея самоопределения была сформулирована в Уставе ООН не как «право», а как «принцип». В окончательном виде ст. 1, п. 2 Устава ООН утверждает необходимость «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов»³.

Вопрос о применении этого принципа должен рассматриваться в каждом отдельном случае, чтобы поставить преграду сепаратизму или вмешательству извне. В ходе обсуждения го-

---

³ Устав Организации Объединённых Наций. Глава I. Цели и принципы. Ст. 1, п. 2. – Право народов на самоопределение: идея и воплощение. М., 1997. С. 204. URL:<http://www.un.org/ru/documents/charter>.

ворилось и о необходимости уточнить понятие «народ» как всё население какого-либо государства, а не отдельные этнические группы, а также термина «нация», имея в виду возможность его двоякого толкования: нация-национальность или нация-государство⁴.

В дальнейшем формулу «право народов и наций на самоопределение» употребляли в документах ООН применительно к процессам деколонизации, а экстерриториальные общественно-политические организации, например, Организация Освобождения Палестины, были приравнены к субъектам международного права. Таким образом, заключённая в Уставе ООН модель международных отношений XXI в. вобрала в себя ряд принципов предшествующей ей Вестфальской модели и, прежде всего, идею государственного суверенитета и баланса сил⁵.

Последующие документы ООН были направлены на уточнение содержания принципа равноправия и самоопределения народов и его соотношения с принципом территориальной целостности. Следует обратить особое внимание на принятые в 1966 г. Пакты о социальных и экономических и гражданских и политических правах человека. Пакты имели юридически обязывающий характер и подлежали ратификации (СССР ратифицировал их в 1973 г.). Важно, что в них была обозначена двухаспектность принципа самоопределения: *внутреннее*, дающее данной области возможность самого широкого самоуправления, обеспечения языковых и культурных прав, и *внешнее*, предоставляющее независимость определённой территории (народу) на **основе** волеизъявления всего населения, а не отдельной национально-этнической группы⁶.

Этапным шагом в этом же направлении стала Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 г., где были суммированы основные положения о самоопределении, изложенные ра-

---

⁴ Кристеску А. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. Нью-Йорк. 1981. С. 4.

⁵ Громько Ал.А. Вперёд в прошлое? «Современная Европа». 2015. № 1.С. 6.

⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Часть I, ст. 1. Право народов на самоопределение: идея и воплощение. С. 205. Принят Резолюцией 222А Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1966. Часть I, ст. 1. URL:http://www.consultant.ru/doc.LAW_222A.

нее в других документах ООН, упомянуты возможные формы самоопределения с акцентом на «внутреннее самоопределение» и было косвенно указано, что «право на самоопределение» применимо преимущественно к деколонизации. В то же время в документе было подчёркнуто, что «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное государство и территориальную целостность страны, несовместима с принципами и целями Устава ООН» (ст. 6). Тем самым ограничивались возможности сепаратизма, особенно, применительно к более стабильным регионам мира, прежде всего, к Европе⁷.

Урегулированию накопившихся проблем способствовал Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.). Хельсинкский Заключительный акт утвердил десять принципов, которые государства-участники обязались «уважать и применять в отношениях со всеми другими государствами-участниками, независимо от их политических, экономических и социальных систем, а также их размера, географического положения и уровня экономического развития». В ряду этих принципов – неприменение силы или угрозы силой; нерушимость границ; территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой (последний принцип может трактоваться как возможность *внешнего самоопределения*)⁸.

Хельсинкский Акт был и остаётся важнейшим политическим документом, но он не подлежал ратификации парламентами подписавших его стран в качестве «договора и международного соглашения», поэтому, по мнению ряда юристов-международников, не носит юридически обязывающий характер, не являясь «твёрдым» источником права. Что же касается принципа нерушимости границ в качестве *общеевропейской обязательной нормы*, то он был ещё раз закреплён в «Парижской хартии для но-

---

⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята резолюцией 2625 ГА ООН от 24 октября 1970 г.). С. 151.

⁸ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки. 1975. С. 4-10. URL: <http://osce.org/ru/mc/39505?download=true>.

вой Европы», принятой в ноябре 1990 г.⁹

Распад СССР и СФРЮ кардинально изменил соотношение сил и обстановку в восточной части Европы. Уже 17 декабря 1991 г. на заседании министров иностранных дел стран ЕС была принята Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. В декларации подчёркивалась приверженность принципам ООН, Хельсинки и Парижской хартии и говорилось о возможности признания новых государств при условии соблюдения ими основных положений этих документов, включая права этнических и национальных меньшинств и нерушимости всех границ, которые могут быть изменены только мирным путём.

При рассмотрении событий на территории распадавшейся Югославии Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 713 от 26 сентября 1991 г., где ещё раз подчёркивалось, что международное сообщество не признаёт права на самоопределение в качестве оправдания отделения частей территории вновь образованных государств¹⁰. И хотя согласно ст. 25 Устава ООН принимаемые Советом Безопасности резолюции носят юридически обязывающий характер, это положение в дальнейшем было в ряде случаев грубо нарушено в ходе вооружённых действий на территории экс-Югославии.

Принятая на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. Венская декларация и программа действий признавали право народов, находящихся под колониальным или другими формами чужеземного господства, предпринимать любые законные действия, в соответствии с Уставом ООН, для осуществления своего неотъемлемого права на самоопределение. В то же время ещё раз подчёркивалось, что это «не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств»¹¹.

---

⁹ Парижская Хартия для Новой Европы. URL: <http://www.OSCE.org/node/39520>.

¹⁰ Резолюции Совета Безопасности ООН 1991 г. S/RES/713 (1991). 26 сентября.

¹¹ Венская декларация и программа действий. Заключена в Вене 25.06.93 г. на 2-й Всемирной конференции по правам человека.

В последующих документах, принятых в связи с возникавшими в Европе конфликтами, последовательно выдвигался на первый план принцип территориальной целостности государств, хотя и оговаривалось, что «внешнее самоопределение» возможно в тех случаях, когда центральные власти не пресекают массовые нарушения прав человека или допускают систематическую дискриминацию национальных меньшинств. Тем не менее и в этих случаях целесообразно переносить акцент на «внутреннее самоопределение» (расширение федеративных или автономных прав), позволяющее всем группам населения участвовать в управлении и распределении ресурсов.

Краткий анализ приведённых документов подтверждает наличие сложившегося после Второй мировой войны международно-правового механизма, утверждающего приоритет принципа территориальной целостности для состоявшихся государств, при условии соблюдения ими основных прав человека, национальных и этнических меньшинств. Тем самым была заложена правовая основа для предотвращения агрессивного сепаратизма, прежде всего, в Европе, где по итогам двух мировых войн сформировались стабильные и общепризнанные мировым сообществом государства. Важнейшей особенностью современного мира стало растущее понимание того, что обеспечение международной безопасности – это комплексная проблема, решить которую можно только совместными усилиями, путём компромиссов и встречных шагов друг к другу¹².

На европейском континенте, особенно в условиях нынешнего экономического кризиса, становится всё более заметным нарастание сепаратизма как угрозы суверенитету и территориальной целостности государств. Основная причина, по мнению большинства экспертов, состоит в том, что более богатые области не хотят финансировать более бедные части своих стран, хотя причины сепаратизма этим не исчерпываются. Истоком роста сепаратистских настроений было и остаётся пренебрежение или недостаточное внимание к культурно-историческим осо-

---

¹² Подробнее см.: В.В. Журкин, М.Г. Носов, Д.А. Данилов. Вопросы международной безопасности. Россия в многообразии цивилизаций. М., «Весь мир». 2011. С. 178.

бенностям этнических групп населения, невозможность для них распоряжаться собственными ресурсами и отсутствие доступа к механизмам управления.

П.Е. Кандель*

СЕПАРАТИЗМ И СОВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЕС И США

Каждому приятно осознавать себя провидцем. Моя статья о региональных конфликтах в Европе для коллективной монографии «Безопасность Европы», писавшаяся в 2009 г., заканчивалась следующими словами: «... можно надеяться, что они [Вашингтон и Брюссель] постараются воздерживаться от превращения постсоветских конфликтов в поле прямой конфронтации. Тем более, как показывает опыт, именно соперничество США и ЕС с Россией блокирует достижение решения даже в тех ситуациях, когда в принципе возможен компромисс. В противном случае вероятность обострения конфликтов возрастет, а возможность разрешения в обозримом будущем окажется крайне невысокой. Поскольку нерушимость границ постсоветских государств уже не является табу, не исключено, что список региональных этнополитических конфликтов может пополниться и новыми точками. В данном контексте первым претендентом на эту роль рискует оказаться Украина при наращивании попыток втянуть её в НАТО. Цена разогревания «замороженных» или «спящих» региональных конфликтов может оказаться много выше, чем состояние их долговременного неразрешения. Тогда времена «холодной войны», о невозможности возобновления которой охотно говорят и на Востоке, и на Западе, почему-то зябко поёживаясь при этом, покажутся эпохой завидной стабильности и надёжности»¹³.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы такое предсказать.

---

* Кандель Павел Ефимович, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИЕ РАН.

¹³ Региональные конфликты в Европе и их урегулирование: Южная Осетия, Абхазия, Косово, Приднестровье, Нагорный Карабах, Кипр. Безопасность Европы. М., «Весь мир». 2011. С. 212.

Цитата лишь выразительно оттеняет поразительную слепоту и американских, и европейских политиков. Для них реакция Москвы на киевский переворот и всё последующее оказалась, бог весть почему, непредсказуемой, причём уже после 2008 г., когда обрели независимость Косово, Южная Осетия и Абхазия. Наиболее проницательные западные аналитики заблаговременно предупреждали о подобных последствиях косовского прецедента: «...Факт, который следует признать Западу, таков: точно так же, как невозможно заставить Косово воссоединиться с Сербией, – писал известный британский исследователь Анатолий Ливен, – невозможно заставить Абхазию и Южную Осетию воссоединиться с Грузией... Провозглашение независимости Косово неизбежно отзовется в областях, отделившихся от Грузии, а также в Нагорном Карабахе и Приднестровье. Со стороны Запада бессмысленно утверждать, что случай Косово уникален, поскольку параллели очевидны»¹⁴. Не были загадкой мотивы и характер российской реакции: «Одна из причин, что Россия вообще ухватилась за косовский вопрос, – отмечал аналитик британского Королевского института объединённых вооружённых сил Джонатан Айл, – состоит в том, что президент Путин понял – в этой игре он может только выиграть. Запад, признав независимость Косово, окажется нарушителем международного права. В этом случае Москва могла бы извлечь свою выгоду, применив тот же рецепт на области в Грузии и Молдавии, на которые претендует»¹⁵. Считать ли эти строки предвидением или самосбывающимся прогнозом, но в любом случае речь идёт о наиболее вероятном развитии событий, вызванном вполне очевидными причинно-следственными связями.

В итоге и Россия, и её западные партнёры, обзаведясь собственными псевдо независимыми клиентами с оспариваемой международной легитимностью, оказались в подходе к разрешению региональных конфликтов в симметричной позиции. Правда, очевидное различие в степени влияния на мировую полити-

---

¹⁴ Lieven A. Balkan unrest remains a recipe for disaster. Financial times. 13.01.2008.

¹⁵ Dr Džonatan Ajl o Kosovu. URL: http://www.bbc.co.uk/serbian/news/2007/09/070903_eyal_kosovo.shtml.

ку позволили Вашингтону и Брюсселю обеспечить международную легитимацию независимости Косово, чего Москва по отношению к своим подопечным добиться не сможет, да и вряд ли будет стремиться. Более того, уже видно, что в недалёком будущем выгодный России в пропагандистских целях «косовский прецедент» будет снят с повестки дня. Сербия, под властью тех, кто слыл националистами и русофилами, уже признала Косово *de facto* и передала Приштине ранее ей неподконтрольную северную часть края, населённую сербами, лишь ради начала переговоров о вступлении в ЕС. Правомерно предположить, что для приёма в его ряды она готова пойти едва ли не на всё.

Тем не менее, отмеченная симметрия в принципе облегчала достижение компромисса между Россией, ЕС и США, будь на то добрая воля и желание его найти. Однако Россия, прежде воздерживавшаяся от формального нарушения территориальной целостности постсоветских государств, руководствовалась вполне прагматичными соображениями: старалась сохранить инструмент воздействия на их политику. Точно также непризнание западными державами независимости Южной Осетии и Абхазии, как и присоединения Крыма к России, будет служить средством удержания Грузии и Украины на антироссийской орбите при любой смене власти в Тбилиси и Киеве. Уже поэтому отказ Вашингтона и Брюсселя от своей позиции крайне маловероятен. Столь же неосновательно ожидать, что какое-либо правительство в Киеве или Тбилиси будет способно признать эту уже необратимую реальность.

Для Москвы такое состояние имеет и некоторые плюсы, поскольку неразрешённые территориальные конфликты служат некоторой гарантией, что ни Грузия, ни Украина, не смогут быть приняты в ЕС и в НАТО. Именно эта угроза принципиально меняла соотношение сил на границах России и делала её обороноспособность практически недостижимой. Как представляется, она и была главным побудительным мотивом крайне острой российской реакции в обоих случаях. Правда, это вовсе не помешало предоставить Украине специально изобретённый статус, который позволит ещё активнее использовать её как антироссийский плацдарм, да ещё не беря на себя нежелательных

обязательств. В конце декабря 2014 г. в США был принят «Акт о поддержке свободы Украины – 2014». Она, а также Молдавия и Грузия, были названы союзниками и стратегическими партнёрами Соединённых Штатов, что открыло широкие возможности для активизации военно-технического сотрудничества и военной помощи.

Этнополитические конфликты, прошедшие фазу вооружённой борьбы, удерживает от её возобновления баланс сил самих конфликтующих сторон и их покровителей. На постсоветском пространстве в качестве таковых выступают с одной стороны – Россия, с другой – США и ЕС. Определённую, хоть и далеко не столь важную, роль играют и сопредельные государства. Турции небезразличен исход карабахского конфликта, Румыния весьма заинтересована в решении приднестровского в свою пользу, хотя не вполне определилась, в чём именно эта польза состоит. Урегулирование конфликтов само по себе ни для них, ни для противоборствующих сторон, ни для мощных внерегиональных сил, не самоцель. Оно лишь средство нарастить собственное влияние в соответствующей зоне и ухудшить положение соперника, что превращает и сами переговоры, и их действия вне переговорных площадок, в бесконечную борьбу за «победу по очкам». Прогресс возможен лишь при компромиссе между ними, вероятность которого после начала украинского кризиса существенно снизилась.

Намерения создать ЕвроПРО в формате, угрожающем российскому ядерному потенциалу, и тенденция рассматривать вопросы энергоснабжения Европы сквозь призму «энергетической безопасности» от России, что обесценивает её основные экономические и политические активы, – всё это уже было не лучшей основой для согласованных решений и урегулирования «замороженных конфликтов». Хуже могли быть только односторонние попытки разморозить их, резко нарушив баланс сил. К чему это приводит, свидетельствует пример Грузии. События на Украине и вовсе сделали баланс сил величиной неопределённой, что и вызвало прямую конфронтацию России и Запада, в ходе и по итогам которой его предстоит найти заново.

После минских договорённостей и переговоров Дж. Кэрри

с С. Лавровым и В. Путиным стали вырисовываться контуры возможного компромисса по «украинскому вопросу». Речь идёт о том, чтобы оставить в стороне Крым (тут стороны в долгосрочной перспективе обречены на формулу «согласились не соглашаться») и попытаться «заморозить» конфликт в Донбассе, конвертировав его в переговорный процесс о формате реинтеграции ДНР и ЛНР в Украину с «особым» статусом. Это и будет предметом долговременного, возможно и бесконечного торга. Между тем было бы преждевременно предполагать, что даже подобный компромисс легко воплотить в жизнь.

При постоянно ухудшающейся социально-экономической ситуации и необратимой деградации украинской экономики, при нынешнем раскладе социально-политических сил, ни действующие, ни, полагаю, следующие киевские власти, не только не заинтересованы в стабилизации конфликта в Донбассе, но и не могут себе позволить такой исход. Только сохранение там напряжённости и милитаристская истерия дают им возможность списывать собственную несостоятельность на войну на востоке. Она крайне необходима олигархической власти и для того, чтобы растратить энергию и живую силу военизированных формирований «майданных революционеров» на «восточном фронте» во избежание нового «майдана» в столице. К тому же стимулируют киевских правителей и более долговременные факторы.

Для успеха принудительной консолидации культурно, этнически и религиозно разнородного населения Украины и превращения её в «nation state» по образцу прибалтийских или постюгославских государств, украинскому национализму жизненно необходимо, чтобы Россию и русских продолжали воспринимать как врагов¹⁶. Продолжающийся конфликт с «пророссийскими сепаратистами» придаёт национальной консолидации характер безальтернативного процесса и с максимальной надёжностью обеспечивает националистическим силам безраздельное лидерство, сужая возможности потенциальной оппозиции. Соответственно и возвращение пророссийского электората Донбасса в украинское политическое поле совершенно невыгодно

---

¹⁶ Подробнее см.: Кандель П.Е. О национализме и «братских народах». Власть. 2014. № 10. С. 208-213.

киевским властям. Наконец, противостояние с Россией и позиционирование себя как самого рьяного союзника Запада в борьбе с «российской угрозой» остаётся наиболее сильным и едва ли не последним аргументом Киева в вымогательстве от своих покровителей в Вашингтоне и Брюсселе всё новых льгот, кредитов и иных видов помощи.

Весьма показательной иллюстрацией образа мыслей нынешней киевской элиты и её намерений могут служить возможные сценарии развития украино-российских отношений, которые обрисовал советник президента Украины, директор Национального института стратегических исследований В. Горбулин¹⁷. Для него предпочтительнее сценарий «ни войны, ни мира» или «ограниченной войны и перманентных переговоров». И судя по поведению украинских властей, именно такой вариант «гибридного перемирия» в ответ на «гибридную войну» они и избрали в качестве руководства к действию. По всем этим причинам даже за «замораживание» данного конфликта России ещё предстоит долгая борьба «на изнурение», возможно, не только дипломатическими методами. Обострения можно ожидать и в приднестровском регионе. ПМР, как некий реальный прообраз возможного будущего для ДНР и ЛНР, самой этой взаимной проекцией объективно уже вписана в развитие украинского кризиса и зависима от его. Наиболее серьёзные вызовы обусловлены двумя обстоятельствами: подписанием соглашения об ассоциации Молдавии с ЕС и политикой нового киевского режима, для которого пророссийский анклав в Приднестровье едва ли не такая же «кость в горле», как и восставший Донбасс.

Создание зоны свободной торговли Молдавии с ЕС без участия ПМР, которая с начала 2016 г. утратит возможность пользоваться в торговле с Евросоюзом действующим режимом автономных торговых преференций, критически ухудшает экономическое положение Приднестровья. И перед ним, и перед самой Россией, вырисовывается безрадостная альтернатива. Либо ПМР, отказавшись от присоединения к ЗСТ с ЕС, фактически лишит-

---

¹⁷ Горбулин В. Пять сценариев для украино-российских отношений. Зеркало недели. Украина. № 22. 19 июня 2015. URL: <http://gazeta.zn.ua/internal/pyat-scenarijev-dlya-ukraino-rossijskih-otnosheniy-.html>.

ся и европейского, и молдавского, и украинского рынков, обрекая себя на мучительную борьбу за выживание, либо вступает в неё, ставя под угрозу свою политическую самостоятельность и связи с Россией. Между тем в 2014 г., 38,9% её экспорта шло в Молдавию, около 36% – в ЕС (причём в Румынию – 11,3%), 6,6% – на Украину. На Россию пришлось лишь 14% приднестровского экспорта. Вместе с тем в приднестровском импорте Российская Федерация занимала первое место (46,5%). Доля Украины – 12,5%, Белоруссии – 8,2%, Молдавии – 7,1%, Германии – 5,2% и Италии – 2,7%¹⁸. За первое полугодие 2015 г., вопреки провозглашённому курсу на «евразийскую интеграцию» и «переориентацию на рынок ТС», доля России в экспорте упала до 8,6%, а Молдавии – выросла до 51,2%, и Румынии – до 13,7%. В то же время в импорте доля России увеличилась до 62%¹⁹.

В силу политической враждебности новых киевских властей они явно вознамерились совместно с Молдовой и Румынией взять Приднестровье в стратегические «клещи». Примечательно заявление П. Порошенко на пресс-конференции по итогам визита в Киев президента Румынии К. Йоханнеса 17 марта 2015 г.: «Мы договорились о координации наших действий по Приднестровью для того, чтобы способствовать размораживанию этого конфликта и помочь суверенной и независимой Молдове восстановить свою территориальную целостность и реинтегрировать приднестровский регион в Молдову»²⁰. Последующие события показали, что речь идёт не просто о внешнеполитическом шантаже России, но о вполне конкретных шагах. Не только экономическая блокада, но и концентрация войск и вооружений на украинской границе с ПМР, демонстративно вызываю-

---

¹⁸ Социально-экономическое развитие ПМР за 2014 г. (окончательные данные). 30.03.2015. URL: <http://www.mepmr.org/gosudarstvennaya-statistika/informacziya/62-o-soczialno-ekonomicheskom-polozenii-pmr/2434-soczialno-ekonomicheskoe-razvitie-pmr-za-2014-god-okonchatelnye-dannye>.

¹⁹ Социально-экономическое развитие ПМР за январь-май 2015 г. URL: <http://www.mepmr.org/gosudarstvennaya-statistika/informacziya/74-informacionnyj-statisticheskij-byulleten/2527-informacionnyj-statisticheskij-byulleten-za-yanvar-maj-2015-g>.

²⁰ Украина решила помочь Румынии разморозить Приднестровский конфликт. URL: <https://www.unian.net/politics/1056435-ukraina-reshila-pomoch-rumyninii-razmorozit-pridnestrovskiy-konflikt.html>.

щие акции по изоляции 1500 российских миротворцев в Приднестровье, говорят о желании двойным ударом «принудить» Тирасполь отказаться и от российского военного присутствия, и от непризнанной государственности.

Попытки «прижать к стенке» противоположную сторону, да ещё в условиях далекого от завершения украинского кризиса, прямо провоцируют возникновение очередного «Донбасса» на территории Молдовы, хотя внеочередные парламентские выборы 30 ноября 2014 г. показали: страна, как была, так и осталась расколотой в своих внешнеполитических ориентирах практически пополам. Однако сохранение у власти «европейцев» в Кишинёве и Киеве и их совместные действия способны довести ситуацию до того, что и здесь может потребоваться ещё один «Минск».

До украинского кризиса постсоветские «замороженные» конфликты, при всей их относительной значимости для затронутых ими стран, в отношениях России с ЕС и США занимали маргинальное место. После его начала, когда обе стороны перешли отведённые друг другу «красные линии» и пустились в «игру без правил», в которой возможно всё, они стали ключевой темой в международной повестке дня. Дело «за малым» – вновь определить правила и очертить пределы допустимого. Но на это, похоже, уйдет целая эпоха.

Н.Ю. Силаев*

О ФРАГМЕНТАЦИИ ГОСУДАРСТВА, ЭВОЛЮЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И СЕПАРАТИЗМЕ В РОССИИ

Статья представляет собой попытку ответить на следующие вопросы:

1. Является ли сепаратизм как открытое требование сецессии самостоятельной и уникальной исследовательской (и политической) проблемой?
2. Чем могут объясняться различия траекторий сепаратизма в разных странах и регионах?

---

* Силаев Николай Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО (У) МИД России.

3. Почему у постсоветской России получилось справиться с вызовом сепаратизма и каковы оказались издержки?

4. Почему современной России не угрожает этнический сепаратизм?

5. Какие иные формы фрагментации государства могут угрожать России и постсоветским странам?

Постсоветское пространство даёт обширный материал для изучения сепаратизма: Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия, Нагорный Карабах, Чечня, Донецкая и Луганская народные республики. Таковы примеры открытого сепаратизма, когда налицо были (или есть) государства или государство-подобные образования, которые провозгласили суверенитет на определённой территории и обеспечили массовую мобилизацию в его поддержку, сумели создать более или менее эффективные военные, административные и иные структуры. Даже если они и не могли обеспечить в полной мере монополию на насилие на собственной территории, то с большей или меньшей уверенностью на неё претендовали.

Между тем в некоторых ситуациях сепаратизм возникал, но так и не вызрел в результативный политический проект. Например, Аджария, пользовалась в эпоху Шеварднадзе большой формальной и ещё большей неформальной автономией – по сути, в обмен на отказ от собственно сепаратистских лозунгов. Сложную игру вели лидеры Ингушетии, Татарстана, Башкирии в 1990-х гг. Другими словами, существуют политические проекты «на грани сепаратизма», стратегия которых состояла в том, чтобы выторговывать большую или меньшую автономию в обмен на лояльность. Не оказывается ли в таком случае формальностью то, что обычно называется сепаратизмом – открытый призыв к отделению той или иной территории от государства? Кто-то из игроков оказался достаточно хитёр и политически ловок, чтобы вступить в торг о неформальной автономии. Другой оказался слишком прямолинеен, чтобы торговаться, не имел необходимых элитных позиций, или же попытки торга окончились неудачей. Одни действовали в сфере публичной политики, настаивая на открытых переговорах по поводу институциональной автономии, а порой вступая в открытую войну. Иные по-

лучали контроль над властными и экономическими ресурсами, формально не подрывая суверенитет и оставаясь в рамках неформальных переговоров.

В любом случае мы наблюдаем фрагментацию государства, изъятия из веберовской «территориальной монополии насилия» – изъятия открытые и предложенные к публичному обсуждению, или закрытые и не обсуждаемые. Можно ли объединить эти разные явления в одной объяснительной модели?

Есть ещё одна развилка, на данный момент неактуальная для постсоветского пространства, но весьма злободневная для Западной Европы: соотношение «системного» и «несистемного» сепаратизма. Демократизация политических систем в принципе позволяет обсуждать сецессию в рамках легального политического поля. Очевидно, что референдум о независимости Шотландии – не то же самое, что вооружённая борьба, которую на протяжении десятилетий вела Ирландская республиканская армия. Если и то, и другое – сепаратизм, то очень разный. Постсоветские государства криминализируют пропаганду сецессии, а иногда и призывы к автономии, что можно истолковать так, будто они – с основаниями или без таковых – ощущают собственную уязвимость. Имеется ли объяснительная модель, которая позволила бы объединить в одной теоретической схеме «системный» и «несистемный» сепаратизм, скрытую фрагментацию государства (термин В. Волкова)²¹ и открытую вооружённую борьбу за сецессию?

Чарльз Тилли предлагал классифицировать политические режимы по трём переменным – принуждению, обязательствам и капиталу. Можно говорить о накоплении средств принуждения и большей или меньшей их концентрации. «Сочетание низкого накопления с низкой концентрацией описывает ситуацию, близкую к анархии. Сочетание высокого накопления с высокой концентрацией описывает хорошо вооружённое тираническое управление безоружным населением»²². Капитал в этом контек-

---

²¹ Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2005. С. 292.

²² Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000. М., Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2012. С. 73.

сте Тилли описывает как право на поддающиеся передаче материальные ресурсы, полезность которых возрастает при определённых физических усилиях, подчёркивая, что и в случае данной переменной можно говорить о накоплении²³. Наконец, обязательства – это «отношения между субъектами общественной жизни, при которых учитываются интересы всех» – общая религия, этническая, партийная принадлежность – всё, вокруг чего может формироваться групповая идентичность и солидарность.

Обязательства тесно связаны с важным для Тилли понятием сетей доверия, «на которые полагаются люди, решившиеся на долгосрочные, сопряжённые с высокими рисками и серьёзными социальными последствиями предприятия»²⁴. К таковым относится весьма широкий класс явлений, начиная от брака и получения образования и заканчивая получением кредитов и внешней торговлей. Возможные примеры связи между сетями доверия и характером политического режима: порядок, при котором принято брать кредит в банке сильно отличается от порядка, где в долг берут у ростовщиков. Порядок, при котором заботу о стариках берут на себя родственники, отличается от системы с государственными или негосударственными пенсиями. Характер обязательств и сетей доверия влияет на то, как правительство взаимодействует с населением. «Фрагментированное население сталкивается с высокими издержками общения и сопротивления на национальном уровне, но одновременно заставляет правительство затрачивать огромные ресурсы на координацию. Население, которое, напротив, напоминает равномерную, с множеством взаимосвязей сеть, снижает свои издержки для общения и сопротивления, но более уязвимо для наблюдения и проникновения со стороны правительственных агентов»²⁵.

С этой точки зрения, политический режим континентальной империи отличают: высокое накопление и высокая концентрация ресурсов принуждения, низкое накопление капитала, фрагментированные обязательства (отсутствие или слабость единого гражданства как системы устойчивых связей между индиви-

---

²³ Указ. соч. С. 74.

²⁴ Указ. соч. С. 75.

²⁵ Указ. соч. С. 76.

дами и государством²⁶). Империя потому легко и прирастает новыми территориями, что тратит минимум усилий на их интеграцию. Она обходится непрямым правлением, делегируя власть «вождям», которых нередко сама и конституирует. С этой точки зрения Советский Союз был империей, которая пыталась превратиться в nation-state, установив прямое правление и укрепив узы гражданства. (О последнем можно спорить: введённое Симоном Кордонским понятие «социально-учётных групп» указывает на значительное категориальное неравенство в Советском Союзе²⁷. Остаётся открытым и вопрос: в какой мере государственная власть в СССР носила публичный характер, поскольку известна практика, когда власть на определённых территориях могла фактически принадлежать экономическим агентам).

Была форма обязательств, в которую СССР инвестировал много и охотно – это этничность. Именно она к моменту его краха оказалась «естественной» политической общностью, наиболее удобной для политической мобилизации. Она и давала тот ресурс, которого уже не было в официальной коммунистической идеологии – открывала возможность коалиции между номенклатурой, интеллигенцией, деятелями теневой экономики и организованной преступности и массами²⁸. Такие коалиции столкнулись в Карабахе, Абхазии, Южной Осетии. Эти столкновения завершились созданием непризнанных (или частично признанных) государств. Важно подчеркнуть, что, выбрав этничность как основной инструмент формирования коалиции, Грузия и Азербайджан исключили возможность создать не-этнические гражданские коалиции, исключили возможность интеграции осетин, абхазов, карабахских армян в свои государства. Стивен Джонс пишет о том, что постсоветская Грузия, как и Грузинская демократическая республика не смогла интегрировать абхазское и осетинское меньшинства в политическую сис-

---

²⁶ Tilly Ch. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere. *Citizenship, Identity and Social History. International Review of Social History, supplement 3*. Ed. by Charles Tilly. Cambridge University Press, 1996. P. 230.

²⁷ Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., ОГИ, 2006. С. 61-66.

²⁸ Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., «Территория будущего», 2010. С. 410.

тему²⁹. Значимыми оказались и административные границы – формальные институты советских национально-административных автономий стали тем «командным пунктом», который можно было захватить. Там, где их не было, не возник и открытый сепаратизм. Подчеркнём, что речь идёт о времени рождения соответствующих сепаратистских проектов – в дальнейшем их поддерживали не только первоначальные коалиции.

Сепаратизм, как и более общая проблема фрагментации государства, может быть связан с такой формой обязательств, как этничность. Но возможны и другие структуры обязательств, которые ведут к фрагментации государства: узы семей или односельчан, узы радикальных партий или иных политических организаций, узы «преступного мира». Схему Тилли можно сопоставить с теорией социального капитала Джеймса Коулмена, который выделял несколько его свойств. Во-первых, он связан с взаимными обязательствами людей, причём плотность и концентрация таких обязательств могут различаться. Существуют сообщества с низкой плотностью взаимных обязательств – например сообщество соседей по подъезду в крупном городе вроде Москвы, в котором люди могут быть даже незнакомы друг с другом. Пример сообщества с очень высокой плотностью обязательств – торговцы алмазами в Нью-Йорке, передающие друг другу драгоценные камни на экспертизу без всяких письменных документов, на честном слове. Внутри сообщества обязательства могут быть распределены неравномерно. Пример Коулмена – «капитал обязательств» босса мафии: его клиенты «обязаны» ему больше, чем он им. Во-вторых, социальный капитал позволяет сокращать издержки на получение информации, которая предоставляется членам сообщества благодаря доверию и дружбе. В-третьих, благодаря социальному капиталу создаются и поддерживаются нормы поведения, которые без него потребовали бы больше ресурсов³⁰.

В такой перспективе могут быть связаны различные струк-

---

²⁹ Jones S.F. Georgia: the trauma of the statehood. *New States, new Politics: Building the Post-Soviet Nations*. Cambridge University Press, 1997. P. 512.

³⁰ Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*. 2001, № 3. С. 127-129.

туры обязательств и разные формы фрагментации государства. Сравнительно низкая плотность обязательств и относительно низкая их концентрация соответствуют «системному» сепаратизму или публичным требованиям региональной автономии. Организации или сообщества со сравнительно высокой плотностью и концентрацией обязательств вокруг публично декларируемой этнической принадлежности скорее будут способствовать открытой сецессии и этническому сепаратизму, возможно, во главе с харизматичным вождем. Высокая плотность и высокая концентрация обязательств без «этнической привязки», вероятно, породит иные формы фрагментации государства, не связанные с открытой сецессией. «Чистых» примеров здесь не существует. Доминирование одной структуры обязательств не означает исключение прочих. Широкие и прочные узы гражданства могут дополняться обязательствами, выстроенными вокруг этнической, семейной, региональной принадлежности, верности закрытой военизированной политической организации. Коллективы, построенные вокруг разных структур обязательств, могут состоять из одних и тех же людей, представляя собой пересекающиеся множества. Текущая политическая ситуация может актуализировать или наоборот отодвигать в сторону те или иные обязательства – так лояльные советские граждане могли в считанные дни превратиться в склонных к насилию участников беспорядков на этнической почве.

Исход сепаратистских или квазисепаратистских проектов на постсоветском пространстве был тесно связан с соотношениями различных фракций в составе политических коалиций. Коалиция, которая привела к власти в Чечне Джохара Дудаева, практически не включала советскую номенклатуру. В Татарстане и Башкирии она входила в состав политической коалиции, сохраняла контроль над ней благодаря сетям патронажа и обладала навыками административного торга, которые позволили ей договориться с федеральным центром о ряде преференций.

Оружие, похоже, имеет самостоятельное значение. Социальные движения в своей эволюции приходят к вооружённой борьбе не столько в силу «социальных причин», сколько наличие оружия может изменить эти движения. Возникает запрос на со-

ответствующую организационную структуру и опыт, меняется политическая повестка и стратегия («винтовка рождает власть»), сказывается большая сила вооружённых групп по сравнению с невооружёнными. Здесь открывается обширное поле для эмпирических исследований в духе акторно-сетевой теории Бруно Латура³¹.

В России и на постсоветском пространстве, как, по-видимому, и везде, сепаратизм очень тесно связан с национализмом. Старый тезис о праве наций на самоопределение оказался исключительно влиятельным, а советская система разностатусных национально-административных автономий обеспечивала «инфраструктуру национализма» в виде территориальных государственных структур и широкого спектра институтов культурной политики. Всё же понятие «национализм» мало что объясняет. Остаётся открытым вопрос, как трактовать сам субъект, наделённый правом на самоопределение. Во всех постсоветских сепаратистских конфликтах все стороны с равным успехом объявляли себя «нацией», наделённой правом на собственное государство.

Не спасает и традиционное различие между «гражданским» и «этническим» национализмом. Р. Брубейкер отмечает, что оба этих термина могут быть поняты как в широком, так и в узком смысле. Причём в любом из них аналитическая категория либо оставляет вне классификации очень широкий набор эмпирических случаев, либо сама расширяется до такой степени, что утрачивает конкретный смысл. Если этнический национализм трактовать узко – как принадлежность к «кровной» общности, то его можно будет применить только к считанному количеству случаев, да и то без особой точности – ведь представление об этносе как о группе, связанной кровным родством, не более чем метафора. Если же этнический национализм предполагает обращение к некоей культурной общности, то неясно, где проходит грань, отделяющая его от национализма гражданского – ведь любое государство выбирает один или несколько государственных языков, проводит ту или иную образовательную и культурную политику, а значит, в той или иной мере определяет себя

---

³¹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 102-103.

«этнически». То же и с гражданским национализмом: в узком толковании он вовсе исключает какое бы то ни было культурное содержание (что трудно вообразить на практике), в широком, допускающем, что у граждан имеется общая культура, он может включать практически все случаи³². К тому же, политики или публичные интеллектуалы, воплощающие ту или иную версию национализма, гораздо более гибки и практичны (или циничны), чем считают теоретики. Они трактуют свою идеологию в зависимости от запросов внутренней и международной аудитории, причём движения, которые, возможно, принято считать эталонным «этнического национализма», при необходимости легко обращаются к риторике «гражданской нации». Брубейкер приводит соответствующие примеры из практики шотландского и квебекского национализма³³. О том же свидетельствует и постсоветский опыт. Так, первоначальный «этнический» пафос в независимой Грузии с угрозами в адрес этнических меньшинств, во время правления М. Саакашвили сменился «гражданской» риторикой и демонстративными назначениями представителей меньшинств на государственные посты (при наращивании политического и военного давления на Абхазию и Южную Осетию в 2004–2008 гг.). Поистине удивительна политическая риторика властей Украины, в которой обращения к гражданскому национализму соседствуют с категорическим неприятием равного статуса русского и украинского языков:

«Наш враг грубо просчитался. Хотел нас уничтожить, а сделал сильными как никогда. Украинская политическая нация окончательно утвердилась на всех территориях – западных, восточных, северных, южных и центральных. Она объединила представителей разных этносов и носителей разных языков. А наши русскоязычные соотечественники продемонстрировали, что Украину на русском языке они любят не меньше, чем украиноязычные украинцы... Конечно, есть принципиальные вещи, которые не могут быть предметом компромисса. Во-первых, Украина не будет федеративной, а останется унитарным государ-

---

³² Брубейкер Р. Этничность без групп. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 253.

³³ Указ. соч. С. 242-244.

ством! Во-вторых, европейский выбор не подлежит дискуссии! В-третьих, единственным государственным языком есть и будет украинский!»³⁴. Цитата показывает, какой сложной конфигурацией может обладать национализм, который в самом нейтральном смысле подразумевает ответ на вопрос о том, что представляет собой нация, кого она включает, а кого исключает. Видно и то, насколько такой ответ может формироваться текущей политической повесткой. Призыв к широкому гражданскому единству на основе «европейских» ценностей, которые шире «этнических», риторическое снятие языковых и культурных различий между гражданами, сопровождается аргументами из классического репертуара «этнического» национализма, жёсткой и исключаяющей языковой политики.

Вообще национализму свойственна текучесть – его сложно представить как законченную доктрину. Корпус основополагающих текстов и символов может и не меняться, но при этом подвергаться новым интерпретациям, дополняться новым содержанием. Самоопределение нации – всегда продукт политической борьбы, в символическом – и не в нём одном – поле. Пока продолжается эта борьба, трудно ожидать законченности.

В поисках выхода из этих противоречий и неясностей предлагается иное различие: между государственным (state-framed) и контргосударственным (counter-state) – термины Р. Брубейкера – пониманиями нации и национализма. В первом «нация» мыслится конгруэнтной государству, его институциональным и территориальным рамкам. Во втором «нация» представляется отличной от территориальных границ и существующего государства или государств, и часто – противоположной им³⁵. Делая точкой отсчёта государство, а не гражданство, Брубейкер уходит от нормативной нагруженности термина «гражданский», что предполагает связь с гражданским участием и демократией. Тем самым в анализ включают политические режимы, которые, будучи недемократическими, ограничивают проявление

---

³⁴ Обращение Президента по случаю Дня Соборности. Президент Пётр Порошенко. Официальное интернет-представительство. 22 января 2015 г. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/32094.html>.

³⁵ Брубейкер Р. Этничность без групп. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 261-262.

ния «гражданского в нормативном смысле», но в то же время обращаются к риторике и практике национализма³⁶. Такой подход снимает и противопоставление «гражданской идентичности» и «культуры», которое вшито в концепции и гражданского, и этнического национализма. Причём противоречие снимается как для государственнического, так и для контргосударственного национализма, который вовсе не обязан быть «этническим» и волен обращаться как к «гражданским», так и «культурным» идентификациям, риторикам, символам – что он и делает на практике.

Между тем на постсоветском пространстве и данная конструкция мало помогает. Один и тот же национализм мог здесь оказаться одновременно и государственническим, и контргосударственным. Грузия, добиваясь независимости от Советского Союза, была на контргосударственной стороне. В Абхазии она исходила из государственнического национализма (тезис о нерушимости границ бывших советских республик). Абхазия, проводя на своей территории референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 г. и отказываясь от референдума о независимости Грузии 31 марта 1991 г., действовала в рамках советского государства и искала опоры в мощи и авторитете союзного центра. Автономные республики в составе РСФСР, настаивавшие на повышении их статуса до союзного при переговорах о новом союзном договоре, выступали с позиций государственнического национализма, с точки зрения Москвы как столицы СССР, и с контргосударственного – с точки зрения Москвы – столицы России. Похоже, выбор каждый раз определялся конкретной структурой политических возможностей, а не имманентным характером того или иного националистического проекта. В политической риторике ДНР и ЛНР, помимо мотива отделения от Украины, встречаются и призывы к «походу на Киев»³⁷. Вполне государственнического тезис – исправление повреждённого мятежом государства. Сама по себе стабилизация постсоветского про-

---

³⁶ Обратим внимание, что Тилли в своём анализе гражданства не придаёт значения нормативной нагрузке этого понятия.

³⁷ Долгов К. Лидеры ополчения пообещали освободить всю Украину. Лента.ру. 1 ноября 2014 г. URL: <http://m.lenta.ru/news/2014/11/01/dnr>.

странства с его системой признанных, частично признанных и непризнанных государств не решает эту проблему. Двойственность государственнического и контргосударственного видов национализма воспроизводится, например, в случае с грузинами Гальского района Абхазии или Лениногорского района Южной Осетии.

Логика Брубейкера заключается в том, чтобы не искать объяснений национализму внутри его доктринальных положений, а вынести объяснение за пределы самой идеологии, привязав его к более стабильным объектам, например, такому, как государство. Можно предположить, что таким объектом может быть также политическая коалиция, вовлечённая в националистический проект, и структура обязательств внутри этой коалиции. В какой степени сети доверия были связаны с этнической принадлежностью? Каков был сравнительный вес интеллектуалов и бюрократии в рамках коалиции?

Среди сепаратистских конфликтов на постсоветском пространстве с этой точки зрения выделяются «симметричные» и «асимметричные». В первых, где с обеих сторон в структуре обязательств имела значение этническая принадлежность, бюрократия в значительной степени или полностью утрачивала политический контроль, вперёд выходили харизматичные лидеры, нередко – интеллектуалы, чья карьера была связана с националистическим проектом. Во вторых структура обязательств и структура коалиции были разными с противоположных сторон конфликта. Так, симметричными были конфликты в Абхазии, в Южной Осетии, в Карабахе, асимметричными – в Приднестровье и в Чечне.

В приднестровском конфликте одна сторона представляла собой коалицию части бюрократии с националистами (при ведущей роли националистов), другая – советских индустриальных администраторов и рабочих, искавших опоры в государственническом национализме СССР. Его своеобразным маркером служит указание на «многонациональность» Приднестровья из преамбулы конституции ПМР³⁸.

---

³⁸ Конституция Приднестровской Молдавской Республики. Интернет-сайт Министерства иностранных дел ПМР. URL: <http://mfa-pmr.org/ru/konstitutsia>.

Чечня, где бюрократия с первых дней переворота осени 1991 г. утратила политический контроль, а власть захватил харизматичный лидер и командиры вооружённых отрядов, вступила в конфликт с государством, в котором бюрократия в значительной степени сохраняла свою власть. Причём российская бюрократия в ходе этого конфликта не только не вступала в коалицию с русским «этническим» национализмом, но и подавляла его или, по крайней мере, не делала ни малейших уступок его сторонникам, например, в публичных конфликтах по уголовным делам, связанным с преступлениями военных в Чечне³⁹.

Егор Гайдар писал, что распад Советского Союза не повторил траекторию развала Югославии (с его войнами из-за территориальных претензий), потому что присутствие ядерного оружия на территории четырёх советских республик – России, Украины, Белоруссии, Казахстана – делало запретительно высокой цену конфликта между ними⁴⁰. Однако Москва не прибегала к «югославской» логике и там, где подобного сдерживающего фактора не было. Это может свидетельствовать, что государственный национализм в его советской и наследующей ему российской версии имеет некоторые институциональные и идеологические отличия по сравнению с таким же национализмом новых независимых стран – наследниц советских республик.

Дж. Скотт на примере Юго-Восточной Азии сформулировал несколько особенностей государств, одержимых погоней за людскими ресурсами, которые, наряду с пахотной землей, составляли главный источник их мощи («manpower states» – в его логике, государств как таковых). Такое государство – в эту категорию попадают крупные континентальные страны, вроде России – «враг жёстких и прочных культурных различий и исключе-

---

³⁹ У Москвы мог быть соблазн трактовать ситуацию в Чечне как «конфликт русских и чеченцев». Изгнание русских из де-факто независимой Чечни, создание «батальона Ермолова», в состав которого вошли некоторые изгнанники, давали для этого поводы. В то же время у бюрократии не было никакой прагматической потребности заключать коалицию с теми интеллектуалами и политиками, кто продвигал такую трактовку конфликта. Подобная коалиция была бы к тому же опасной, поскольку ослабляла переговорные позиции центра по отношению к элитам иных автономий в составе России.

⁴⁰ Е. Гайдар. Гибель империи. Уроки для современной России. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 421-425.

ний... у таких государств есть сильные стимулы инкорпорировать кого бы то ни было и изобретать культурные, этнические и религиозные формулы, которые позволили бы им это»⁴¹. «Идентичность в [государственном] ядре была политическим проектом, разработанным для того, чтобы сплотить разные народы, собранные там... Ассимиляция, смешанные браки, социальная мобильность через проницаемые социальные барьеры были относительно лёгкими. Идентичность была вопросом представления, а не генеалогии»⁴².

Гипотеза заключается в том, что государства, чьё формирование произошло до эпохи возникновения национализма в Европе, несут в себе эти черты: национальная идентичность по принципу лояльности государству, культурная открытость, открытость для вхождения в элиту и добровольной ассимиляции. Государство, родившееся прежде нации, имеет перед ней и форму как объект лояльности и идентификации. Сети доверия и, как частный их случай, патронажные сети бюрократии, по крайней мере, в центре, редко связаны с этнической принадлежностью. Российская «многонациональность», эклектичная вплоть до утраты цельности⁴³, оказывается практичной именно в силу своей гибкости и вязкости.

Национальные государства в Европе зарождались в ходе тесно взаимосвязанных процессов возникновения гражданства и прямого правления: автономные посредники между сувереном и населением, имеющие особые, нередко договорные отношения с верховной властью, были устранены, а на всю территорию страны наложена единая и стандартная бюрократическая «сетка». Прямое правление служит одной из основ гражданства, поскольку воплощает равный юридический статус подданных и их индивидуальную (не в качестве представителей группы) связь с государством⁴⁴.

---

⁴¹ Scott J. C. *The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven and London: Yale University Press, 2009. P. 79.

⁴² *Op. cit.* P. 80.

⁴³ Силаев Н. Самоопределение Путина. Эксперт. 2012. №4 (30 января 2012 г.). URL: <http://expert.ru/expert/2012/04/samoopredelenie-putina/>.

⁴⁴ «Прочное гражданство зависит от прямого правления: наложение по всей единой территории относительно стандартной системы, в которой эффектив-

В такой перспективе Россия в 1990-е гг. эволюционировала в прямо противоположную сторону. Знаменитые слова Б. Ельцина: «Берите суверенитета, сколько сможете проглотить», в сущности, представляли собой приглашение к непрямому правлению. Этим предложением в той или иной мере воспользовались все региональные лидеры, безотносительно их этнической принадлежности, кроме одного – слишком харизматичного и слишком хорошо вооружённого, чтобы принять такой компромисс. Имперский навык непрямого правления – в ту эпоху, когда все постсоветские государства, кроме России, обращались к унитарным политическим формам – наряду со «здоровым смыслом многонациональности» позволили России снять сепаратизм с повестки дня. За одним трагическим исключением. Однако и в Чечне, уже после того, как в новую эпоху В. Путин предложил региональным элитам заманчивый проект общего экономического роста на основе ре-консолидации государства, новый лидер, тоже харизматичный и тоже хорошо вооружённый, в итоге принял ельцинскую формулу непрямого правления.

«Парад суверенитетов» завершился успехом региональных лидеров. Непрямое правление, при котором их наделяли широкой фактической автономией при сохранении формального единства страны, выбило почву из под ног у этнических движений в двух отношениях. Во-первых, требования суверенизации в значительной мере были удовлетворены, лишив тем самым националистов их повестки. Во-вторых, консолидация региональных политических режимов оставляла им всё меньше возможностей для самостоятельной политической игры. Оставшись один на один с региональными бюрократиями, «вожди народов» могли или влиться в состав этой бюрократии на более или менее почётных условиях (что многие из них и предпочли) или стать «гражданскими активистами», которые охотно раздают журналистам интервью о коррумпированной республиканской элите,

---

ная иерархия государственных должностных лиц простирается от национального центра до отдельных местностей и оттуда назад к центру... Непрямое правление блокирует гражданство для всех, кроме небольшой связанной правящей элиты». Tilly Ch. The Emergence of Citizenship in France and Elsewhere. Citizenship, Identity and Social History. International Review of Social History, supplement 3. Ed. by Charles Tilly. Cambridge University Press, 1996. P. 228-229.

но не имеют ни малейшего политического влияния. Третьим выходом была просто тихая пенсия.

Это не значит, что исчез национализм. Наоборот, он пережил новый расцвет. Политические институты субъектов федерации, как и следовало ожидать, занялись идеологическим самоутверждением, выстраивая соответствующую культурную и образовательную политику. Национализм, который, как принято считать, взорвал Советский Союз, стал одной из опор нового порядка. Политика регионов в области культуры стала одновременно инструментом интеграции в состав правящей бюрократии националистических интеллектуалов (которые, будучи вне властной коалиции, могли бы подорвать стабильность новых режимов) и обоснованием власти этой бюрократии. Парадоксально то, что новый порядок вовлек и тех, кто выступал против политического доминирования бюрократии. «Оппозиционные» и «официальные» этнические активисты составили единую систему. Первые, критикуя бюрократию, демонстрировали свою независимость, неподкупность и искренность. Вторые, отзываясь о первых как об опасных радикалах, в их лице получили надёжное доказательство собственной полезности⁴⁵. Региональные бюрократии в критический для них момент опереться как на «официальных», так и на «оппозиционных» этнических активистов. Например, весной 2005 г. на фоне слухов о возможном объединении Адыгеи с Краснодарским краем в Майкопе прошёл митинг протеста против такого объединения. В его подготовке участвовали и чиновники администрации президента Адыгеи Хазрета Совмена и представители различных черкесских общественных организаций⁴⁶.

---

⁴⁵ Я благодарен Денису Соколову, который обратил моё внимание на эту закономерность, проявляющуюся в политической жизни многих республик в составе России.

⁴⁶ «Я участвовал сильно, вот я. Я был тогда депутатом, я и по НТВ выступал, я привёз где-то 700 или 800 человек с Теучежского района, была колонна от Понежукая до Майкопа из тысяч автомобилей. Здесь было по самым меньшим подсчётам 6-7 тысяч, на площади Ленина, никогда такого не было. Но это организовывала власть, то есть с подачи Совмена (президента Адыгеи Х. Совмена – Авт.), с подачи Беретаря, который тогда был главой администрации. Они, в общем-то, в тот момент были настроены против объединения. И вот это дало такую реакцию...». (Интервью с политиком из Адыгеи. Полевые ма-

Раскол между «официальными» и «оппозиционными» этническими активистами обеспечил постепенное ослабление этнических организаций. Первые становились неотличимы от региональных бюрократий, вторые теряли доступ к ресурсам и превращались в крошечные клубы единомышленников. Сама националистическая идея разрывалась между её конкурирующими носителями и пропагандистами, утрачивая столь необходимую ей цельность.

Федеральная бюрократия (и шире – политический класс) поддерживает своеобразный и заслуживающий отдельного изучения дискурс об этнических движениях, национализме и рисках дезинтеграции страны. Общим местом здесь стало суждение, что этнические движения привели к краху Советский Союз и потенциально могут столь же разрушительно повлиять на Российскую Федерацию. На практике это выражается в том, что и власти, и медийное сообщество чувствительны к любым проявлениям этнически окрашенного политического протеста, безотносительно его силы, формы, предмета и социальной базы. Например, митинг в Майкопе против объединения Адыгеи и Краснодарского края привлёк большое внимание федеральных медиа. Проходивший одновременно многочисленный митинг за объединение в посёлке Яблоновский – пригороде Краснодара, входящем в состав Адыгеи – они не упомянули⁴⁷. Подобный дискурс способствует сохранению «национализмов» в российской публичной политике: при прочих равных тот, кто выступает с протестом под «этническими» лозунгами, имеет больше шансов быть услышанным. В то же время внимание и подчёркнутое уважение властей и политического класса к этническому многообразию страны вытесняет региональные национализ-

---

териалы автора, Майкоп, май 2012 г.)

⁴⁷ «А вот те двадцать тысяч подписей, которые мы собрали под вот этой идеей объединения. И когда мы написали письмо Путину с просьбой о встрече, мы ему хотели эти подписи вручить. Но наше же обращение он проигнорировал, вообще его. Так это было двадцать тысяч реальных подписей и с паспортными данными и с подписями людей. Почему об этом никто там не писал? Вот это к вопросу о качестве вообще мониторинга региональной политики. Есть лобби, сидящее там, в Кремле, которое и определяет о чём говорить, о чём нет». (Интервью с активистом из Адыгеи. Полевые материалы автора, Майкоп, май 2012 г.)

мы в сферу культурной политики, где их надёжно изолируют от всей прочей повестки.

Через полтора десятилетия после «парада суверенитетов» обнаружилось, что национализм со всеми его тщательно выстроенными институтами малопригоден для публичной политики. Точнее, хотя он может в некоторых обстоятельствах оправдать себя как инструмент массовой мобилизации, он плохо подходит для последующих переговоров. Лозунги национализма слабо поддаются переводу на язык права и государственного управления. Его приходится «разбавлять» гражданской риторикой, которая не признаёт этнических границ и обесмысливает собственно национализм.

Поучителен рассказ одного кабардинского активиста о совещании у полпреда президента в Северокавказском федеральном округе А. Хлопонина по поводу проекта закона об отгонном животноводстве в Кабардино-Балкарии. Принять такой закон требовали кабардинские активисты, им возражали активисты балкарские, отмечавшие, что земли отгонного животноводства будут выделены из состава территорий горных (населённых балкарцами) муниципалитетов⁴⁸. Закон был в итоге принят, но межевание земель отгонного животноводства до сих пор не проведено. Таким образом, обращение к риторике национализма («этнические земли») имело результат, обратный планируемому, и оказалось бесполезным на переговорах по практическому вопросу. Этот механизм прочно запирает национализм в символической сфере, блокируя его применение в политике и, тем самым, сокращая риски этнического сепаратизма в России.

---

⁴⁸ Приведём цитату из интервью, иллюстрирующую эту коллизию: «Апшаев (М. Апшаев, один из лидеров балкарской общественной организации «Алан», «официальной» в нашей классификации – Авт.) ... говорит: «Мы это не хотели говорить, но раз вы не принимаете наши доводы, мы, мол, вынуждены об этом сказать. Те земли, которые якобы земли отгонного животноводства, это наши исконные исторические этнические балкарские земли. Мы их никому отдать не можем. Вот истинная причина наших возражений». Ну, на что Хлопонин ответил: «... Теперь это я вам говорю. Это касается и балкарцев, это касается и кабардинцев. И чеченцев и ингушей и осетин, всех на Кавказе. Никаких разговоров об этнических территориях или границах на Кавказе Москва слушать не будет. Представьте себе, если мы сейчас начнём проводить этнические границы? Что это? Во что это выльется? Вы вот понимаете?»». (Полевые материалы автора. Нальчик, декабрь 2013 г.)

Исключим различные формы скрытой фрагментации государства, когда фактический подрыв территориальной монополии насилия не сопровождается открытыми претензиями на политическую власть. Исключим этнический сепаратизм, который, по-видимому, не имеет сколько-нибудь значительных перспектив в обозримом будущем. Похоже, что единственной идеологической базой для движений, угрожающих открытой фрагментацией государства, может стать политический ислам. Он позволяет создать достаточно широкую коалицию – шире тех, что предлагает национализм. Он может предоставить простейший регулятивный аппарат, альтернативный государственному. Препятствие, однако, заключается в том, что, в отличие от этнического сепаратизма, политический ислам не имеет реалистичной модели государства и ясных пространственных границ.

Национализм обладает описываемым и воспроизводимым, по крайней мере, теоретически, образцом в виде государства-нации. Национальное государство, как правило, должно иметь конституцию, парламент, суд, армию, налоги, политические партии, университеты. С большим или меньшим успехом этот набор обретали десятки политий, у истоков которых стояли группы интеллектуалов-националистов. Они могли полностью отвергать прежние политические институты или трансформировать их, тем или иным путём интегрировать в политическую систему религию и этнические меньшинства, но базовый набор признаков государства-нации всегда присутствовал. Понятен был и критерий успеха – суверенное государство, которое признано другими субъектами международного права, контролирует свою территорию и установило свои границы силой или по договорённости с соседями. Политический ислам таких критериев не имеет, точнее, он может избрать очень широкий набор критериев. Исламский мир знает множество форм политического устройства, от монархии до исламской республики и ведёт нескончаемые и, вероятно, неразрешимые споры по поводу того, какие политические формы следует считать в наибольшей мере соответствующими требованиям веры. Коалиции на основе политического ислама постоянно собираются и столь же постоянно раскалываются. Возможно, в этом непостоянстве и те-

кучести и состоит их сила, мешающая современным государствам взять их под контроль.

Если попытаться вообразить сетевое политическое сообщество, которое, по крайней мере, стремится установить монополию насилия, то, похоже, это будет именно сообщество, собранное вокруг политического ислама. Не трудно представить его составные элементы: авторитетный богослов, способный разрешить спор на основе исламского права; полевой командир, могущий обеспечить исполнение такого решения; локальные или рассеянные людские коллективы, связанные с определённым местом или с определённым рынком или сферой деятельности, которые принимают и поддерживают такой порядок; симпатизирующие им политики и журналисты. Так может выглядеть фрагментация государства на основе политического ислама. Речь не обязательно идёт о прямом вызове государству или о попытке полностью заместить его на той или иной территории. Возможно, такое политическое сообщество не будет привязано к определённой территории, образуя своего рода параллельный мир – анклав, рассеянные по всей стране и поддерживающие связи с единомышленниками за рубежом. Не исключено, что такие сообщества будут искать формы своей интеграции в государство – например, через признание последним приговоров третейских, а фактически шариатских, судов. Государства же будут искать способы взаимодействия – и в русле конфликта, и в русле сотрудничества – с подобными сетевыми структурами.

Е.В. Ананьева*

РЕФЕРЕНДУМ О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ: ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Представляется, что само наличие «зонтичной» наднациональной структуры, подобной ЕС и НАТО, «поощряет» региональный сепаратизм во многих странах, который в условиях кризиса носит скорее экономический характер, но не исчерпы-

---

* Ананьева Елена Владимировна, к.филос.н., руководитель Центра британских исследований ИЕ РАН.

вается им, хотя речь не идёт об ущемлении прав национального меньшинства. Отсюда вытекает высокая значимость исхода референдума в Шотландии и его последствий не только для Соединённого Королевства, но и для всей Европы.

Напомним, идея референдума о независимости Шотландии вышла на авансцену политической жизни Британии в 2011 г. после победы Шотландской национальной партии (ШНП) на выборах в парламент региона. Завоеванием большинства мест в парламенте партия была обязана вовсе не поддержке шотландцами отделения от Британии, а недовольству населения лейбористами и, соответственно, их провалу на региональных выборах.

Регион довольно далеко продвинулся по пути деволюции. Однако изначальная цель ШНП состояла не столько в обретении регионом независимости, сколько в так называемой «деволюции макс» – расширении, прежде всего, экономических прав, в частности, права устанавливать налог на прибыль. По этой причине лидер ШНП А. Салмонд желал включить в бюллетень референдума две формулировки: полное отделение и расширение прав региона (население – 5 млн, Британии – 64 млн человек). Он рассчитывал, что добьётся если не отделения, то «деволюции макс», полагая, что в случае провала референдума партия шотландских националистов будет предана забвению.

Однако центральное правительство (коалиция консерваторов и либеральных демократов), естественно, жёстко ограничило количество вопросов одним и чётким – «за» или «против» независимости. Ведь Д. Кэмерон рассчитывал, что доля сторонников независимости, которая в течение многих лет колебалась в пределах четверти-трети населения, останется прежней. Соответственно не имело, казалось, смысла соглашаться на второй вопрос, который явно получил бы положительный ответ большинства. Вычеркнув второй вопрос, центральное правительство в обмен согласилось перенести референдум на более поздний срок – 18 сентября 2014 г. и предоставить право голоса лицам 16-17 лет (то есть молодёжи, не имеющей достаточного жизненного и политического опыта).

Обе уступки предоставляли Салмонду поле для манёвра: он надеялся к тому времени завоевать большинство граждан в под-

держку независимости. И надо сказать, что доля сторонников независимости Шотландии зимой 2014 г. поползла вверх, сведя в апреле разницу между противоборствующими сторонами к статистической погрешности, поскольку сокращалась доля неопределившихся. Однако в середине мая участники очередного опроса стали отдавать явное предпочтение сохранению единства страны по мере того, как снижался их оптимизм в отношении перспектив экономики независимой Шотландии⁴⁹.

Аргументы противоборствующих сторон в основном и базировались на экономических выкладках. В случае независимости, как полагали в ШНП, Шотландия смогла бы получать более 80% доходов Британии от добычи нефти и газа в Северном море (после явно трудных соответствующих переговоров с Лондоном). Для примера: согласно расчётам, в следующие 6 лет казну Британии могут пополнить 54 млрд ф.ст. в виде налогов от нефте- и газодобывающих предприятий. Однако запасов североморской нефти хватит только на 40 лет. К тому же, Шотландия осталась бы один на один с колебаниями рынка нефти. Вместе с тем в случае независимости Шотландии пришлось бы принять на себя часть государственного долга Британии – предположительно 80 млрд ф.ст.⁵⁰; пришлось бы довольно длительное время сохранять в качестве валюты фунт стерлингов, попав в зависимость от фискальной и монетарной политики Лондона, а учётные ставки устанавливал бы Банк Англии – иностранного государства. Вряд ли Шотландии удалось бы удержать и высокий кредитный рейтинг, то есть заимствования для неё на международном рынке стали бы дороже, что отрицательно повлияло бы на экономику. К тому же, основной торговый партнёр Шотландии – Британия – стал бы иностранным государством. Стороны дискутировали по всему спектру экономических и социально-экономических вопросов, и их заслушивал шотландский парламент.

---

⁴⁹ Not the Best of Mornings for Yes?: New ICM and Panelbase Polls. Posted on 18th May 2014 by John Curtice. URL: <http://blog.whatscotlandthinks.org/2014/05/not-the-best-of-mornings-for-yes-new-icm-and-panelbase-polls/>.

⁵⁰ Twelve unresolved questions on Scottish independence. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-scotland-politics-16636325>.

Сложная ситуация складывалась с членством независимой Шотландии в ЕС. Отметим, что ШНП не только не разделяет евроскептицизм, характерный для большей части Британии, но и выступает за присоединение к зоне евро. Между тем в Брюсселе предупредили руководство Шотландии, что провести переговоры об условиях членства независимой Шотландии «изнутри» ЕС не получилось бы: её ждала бы длительная процедура вступления «с нуля», то есть «извне» ЕС.

Помимо экономических, не менее значимы и соображения обороны. В случае независимости А. Салмонд обещал вывести ядерное оружие из Шотландии (в Фаслейне – на северо-западе расположена военно-морская база атомных подводных лодок с американскими МБР «Трайидент»), но оставить Шотландию в составе НАТО. Между тем, в штаб-квартире НАТО заявили, что независимой Шотландии пришлось бы пройти полную процедуру вступления в Североатлантический альянс, а удаление атомного флота Британии из Шотландии неприемлемо для НАТО. Министерство обороны Соединённого Королевства выпустило доклад о пагубных для Шотландии и Британии последствиях отделения, предупредив, что формировать собственные вооружённые силы независимой Шотландии нужно было бы заново, и ее безопасность снизилась бы катастрофически⁵¹.

Тем не менее, итоги выборов в Европарламент в конце мая 2014 г., возможно, подстегнули в Шотландии настроения в пользу независимости. Дело в том, что на этих выборах убедительное продвижение вперёд продемонстрировала Партия независимости Соединённого Королевства, которая выступает за выход Британии из ЕС. Она обошла и тори, и лейбористов. Поражение про-европейски настроенных лейбористов вызывает у шотландцев вопрос о том, есть ли у них будущее в Соединённом Королевстве.

«Евроскептицизм» в Британии имеет давнюю историю. Однако, как отмечал видный британский политолог Д. Маркуэнд, «скептицизм переродился в фобию», замешанную на «экзистен-

---

⁵¹ Scotland analysis: Defence. HM Government. October 2013. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/248654/Scotland_analysis_Defence_paper-FINAL.pdf.

циальной тревоге», а риторика «еврофобов» не имеет ничего общего с политикой – она касается проблемы идентичности. И если евроскептицизм был британским феноменом, то еврофобия – феномен чисто английский. Шотландцы и валлийцы привыкли к двум идентичностям – собственной и британской, поэтому третья – европейская – их не смущает. Наряду с каталонцами, басками, фламандцами, корсиканцами они пытаются сбросить путы гомогенного централизованного государства-нации. Однако англичане, обнаружив, что «английский» и «британский» – уже не синонимы, и противопоставляя себя на длительном отрезке истории континентальной Европе, растеряны⁵². Как разъяснял журнал «The Economist», на континенте так и не могут понять, что сущность британского «евроскептицизма» имеет конституционный, а не экономический характер. ЕС показывал парламенту Британии «финансовую морковку», однако в Британии речь идёт не об издержках и затратах, а о суверенитете⁵³ и верховенстве национального парламента. Неслучайно, евроскептицизм ярко выражен в Консервативной партии, которая практически утратила общенациональный характер, поскольку не пользуется поддержкой в Шотландии ещё со времён М. Тэтчер (в Вестминстере заседает лишь 1 депутат тори от Шотландии).

Победа ПНСК на выборах в Европарламент в мае 2014 г. (а она отобрала голоса у всех партий, но в основном у консерваторов) вынудила тори ещё дальше пойти по пути евроскептицизма. Лейбористов она заставила прислушаться к противоречивым голосам избирателей и в Шотландии (партия, по сути, возглавила кампанию против отделения), и собственно в Англии (где сильны евроскептики). Что касается исхода евровыборов в Шотландии, то ШНП не смогла вытеснить ПНСК (ПНСК впервые получила один из 6 мандатов европарламентариев от региона), не смогла она одержать верх над лейбористами: ШНП и

---

⁵² Marquand D. England's visceral Europhobia may break up the UK. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/dec/18/english-europhobia-identity-crisis1>.

⁵³ The Battle of the Budget. The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21565217-why-epic-fight-over-eu-spending-wasted-opportunity-battle-budget>.

лейбористы получили по 2 мандата, консерваторы – 1⁵⁴. Таким образом, А. Салмонд лишился аргумента о единодушной поддержке членства Шотландии в ЕС.

В преддверии референдума о независимости Шотландии позиции сторон, как известно, сблизилась, а за 10 дней до голосования доля сторонников выхода Шотландии из состава Великобритании даже несколько превысила долю его противников⁵⁵. Столкнувшись с реальной угрозой распада Соединённого Королевства, лидеры тори, лейбористов и либеральных демократов стали вести в Шотландии активную кампанию за единство страны. Они объединились в движение «Лучше вместе» и предложили свои варианты расширения полномочий регионального парламента в области налогообложения и социальных расходов, если Шотландия останется в составе Великобритании⁵⁶.

Между тем сторонники независимости указывали, что подспудно лозунг был иным: «без нас вы – никто». Исход референдума известен: 55% участников референдума высказались против независимости Шотландии (45% – «за») при рекордной явке в 85%⁵⁷. Лидер шотландских националистов А. Салмонд объявил об отставке, общественность Шотландии оказалась расколота, а страна вздохнула с облегчением.

После референдума премьер-министр неосторожно заявил, что расширение полномочий Шотландии будет «идти в тандеме», «в ногу» с расширением полномочий других регионов – Англии, Уэльса и Северной Ирландии⁵⁸. Премьер-министра тут же поправили его же служащие на Даунинг-стрит, 10: два про-

---

⁵⁴ Taylor B. Scots Euro results are in (almost). URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-27572290>.

⁵⁵ «Yes» campaign lead at 2 in Scottish Referendum. URL: <http://yougov.co.uk/news/2014/09/06/latest-scottish-referendum-poll-yes-lead/>; Poll on Scottish Independence. URL: http://tns-bmrb.co.uk/uploads/files/TNSUK_SOM2014Sep9_Data Tables.pdf.

⁵⁶ Премьер-министр Д. Кэмерон 15-16 мая ещё до выборов в Европарламент посетил Шотландию, ведя кампанию против отделения под лозунгом «Лучший из обоих миров» (The best of both worlds). Включился в кампанию против независимости и бывший премьер-министр шотландского происхождения лейборист Г. Браун.

⁵⁷ Results in Detail. URL: <http://www.bbc.com/news/events/scotland-decides/results>.

⁵⁸ Agreement on new powers for Scotland «not easy», says lord Smith. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-29327973>.

цесса независимы друг от друга.

«Этнический национализм» исповедует, например, Партия независимости Соединённого Королевства, которую подпитывает неприязнь белых англичан к мультикультурализму и к ЕС. «Гражданский национализм» А. Салмонда привлёк к ШНП в том числе «азиатских шотландцев» (выходцев из Азии, поселившихся в Шотландии) и еврооптимистов, которые союзу с Англией и Уэльсом предпочитают союз с ЕС. Проблема заключается не в ущемлении прав шотландцев, не непосредственно в требовании перераспределения государственных средств или полномочий региона, а в эрозии общенациональной идентичности – «британскости» (britishness). По мере того, как расширялись права регионов в процессе деволюции, возрождался английский национализм, поскольку Англия поделена на 9 административно-территориальных единиц и не имеет своего законодательного органа, обладающего правами, предоставленными регионом. Джинн «английской деволюции» выпущен из бутылки.

Референдум прошёл. Шотландия осталась в составе Соединённого Королевства. Доходы от нефти в Северном море по-прежнему будут направляться в Лондон, атомное оружие Великобритании останется на базе в Шотландии. Однако в Британии активизировались процессы, которые весьма ощутимо скажутся не только на внутривнутриполитической жизни, но и на внешней политике страны.

Прежде всего предстоит расширение прав парламента Шотландии: три ведущие партии, как и обещали во время кампании «Лучше вместе», должны согласовать свои позиции по порядку налогообложения, правам расходования бюджетных средств и формирования социальной политики региона. Разногласия между партиями существенны: например, консерваторы предложили шотландскому парламенту самому устанавливать ставки подоходного налога, а лейбористы – в пределах 15 пенсов на 1 фунт. Примирить их была призвана комиссия лорда Смита, которая работала с пятью шотландскими партиями (консерваторов, националистов, лейбористов, либеральных демократов и «зелёных»). В январе 2015 г. она обнародовала соответствующий законопроект, а после всеобщих парламентских выборов (май

2015 г.) законопроект должен быть поставлен на голосование.

Отметим, что ШНП – правящая партия Шотландии – сдвинулась левее лейбористов в требованиях «более справедливого общества», и есть мнение, что получив возможность в той или иной степени устанавливать ставку подоходного налога, шотландский парламент, скорее всего, повысит налоги в регионе, что пойдет вразрез с политикой центрального правительства.

Однако важнее другое. После референдума зазвучали требования установить новый баланс между центром (Лондоном) и регионами (Шотландией, Англией, Северной Ирландией и Уэльсом). Вновь со всей остротой поднялся «вест-лоттианский вопрос»⁵⁹ (перекося в правах депутатов Вестминстера): депутаты общенационального парламента от Шотландии имеют право решать вопросы, касающиеся непосредственно Англии как региона, а депутаты от Англии не имеют права решать вопросы, переданные в ведение шотландского парламента (например, в сферах здравоохранения и образования)⁶⁰.

Учитывая, что позиции консерваторов в Шотландии, а лейбористов – в Шотландии и Англии слабы, перспективы полномочий центрального правительства в решении региональных вопросов осложняются. В недрах Консервативной партии возникли идеи ограничить полномочия парламентариев от Шотландии в Вестминстере в случае расширения полномочий шотландского парламента⁶¹. Так, звучат предложения запретить им

---

⁵⁹ West Lothian (Западный Лотиан) – в своё время избирательный округ в Шотландии, депутат от которого поставил в 1977 г. вопрос о неравных полномочиях депутатов от Англии и Шотландии в связи с деволюцией регионов. См.: Report of the Commission on the Consequences of Devolution for the House of Commons. The McKay Commission. March 2013. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130403030652/http://tmc.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2013/03/The-McKay-Commission_Main-Report_25-March-20131.pdf.

⁶⁰ Отметим, что при коалиционном правительстве Д. Кэмерона была создана «комиссия Маккея», которая выпустила доклад весной 2013 г. с рекомендацией, чтобы общенациональный парламента принимал законы, касающиеся Англии как региона, только если за них проголосует большинство депутатов парламента, избранных от Англии.

⁶¹ Со времён М. Тэтчер, которая проводила политику деиндустриализации страны и ввела подушный налог (сначала в Шотландии, затем по всей стране), консерваторы утратили позиции в регионе. Так, с выборов 2010 г. в Вестминстере заседает лишь один представитель партии тори.

голосовать по законопроектам, касающимся Англии⁶².

Идея вызывает резкие возражения лейбористов, которые опасаются сужения прав центрального правительства в случае своей победы на всеобщих парламентских выборах. Ведь тогда могут возникнуть два класса депутатов: гипотетически лейбористы, выиграв общенациональные выборы и сформировав национальное правительство, могут решать серьезные внешнеполитические вопросы, но не смогут провести бюджет через парламент, поскольку могут не получить одобрение большинства депутатов от Англии, то есть, будучи у руля государственной власти, этой власти не иметь. Их предложение – созвать конституционное собрание, чтобы включить в обсуждение и реформу Палаты лордов, и полномочия местных органов власти, и писаную конституцию. Бывший премьер-министр Г. Браун считает, что депутаты от Шотландии должны принять участие в решении вопроса о деволюции для Англии.

Тем не менее, практически сразу после референдума премьер-министр Д. Кэмерон собрал заднескамеечников-тори (22 сентября 2014 г.), чтобы обсудить предложение предоставить «английские голоса для английских законов» – такова собственно и есть суть «вест-лотланского вопроса». Заднескамеечники-тори угрожают провалить голосование по расширению прав Шотландии, если не будут расширены права Англии. Для них вопрос формулируется следующим образом: деволюция и для Шотландии, и для Англии или ничего. Многие консерваторы считают, что в отчаянной попытке спасти единство страны, лидеры ведущих партий пообещали Шотландии слишком много.

Крупные города тоже заявляют свою позицию: так, мэр Лондона Б. Джонсон считает необходимым передать городам контроль над налогом на собственность. Ещё в мае 2014 г. 8 крупнейших городов помимо Лондона (Манчестер, Глазго, Ливерпуль и др.) заявили, что необходима «деволюция для городов, а не независимость Шотландии»⁶³. Однако в 2012 г. жители 9

---

⁶² Grice A. Scottish referendum: How did Labour manage to end up on the losing side? URL: <http://www.independent.co.uk/voices/comment/scottish-referendum-how-did-labour-manage-to-end-up-on-the-losing-side-9745185.html>.

⁶³ Devolutionary deals? URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-29282145>;

крупнейших городов проголосовали против выборности мэров («за» – только в Бристолле)⁶⁴.

Со своей стороны лидер ПНСК Н. Фарадж говорил о том, что «хватит шотландскому хвосту вилять английской собакой». Он призвал депутатов, избранных в общенациональный парламент от Шотландии, дать письменное обязательство не участвовать в дебатах и воздержаться от голосования по законопроектам, касающимся Англии, до решения «вест-лоттианского вопроса» – «Конституционного Урегулирования для Соединённого Королевства», которое бы включало справедливое решение для 86% населения Великобритании, проживающего в Англии⁶⁵. С его точки зрения, следует пересмотреть «формулу Барнетта», согласно которой средства из госбюджета перераспределяются регионам, пересмотреть границы избирательных округов в Шотландии, чтобы численность избирателей в них была ближе к численности избирателей в избирательных округах Англии, созвать Конституционное собрание для федерализации Соединённого Королевства, а депутаты от Англии в Вестминстере должны несколько дней в неделю заниматься законодательством для Англии.

Позицию партии важно учитывать, поскольку ПНСК представляет треть депутатов от страны в Европарламенте, добившись на выборах 2014 г. беспрецедентного успеха. В британских рейтингах она прочно заняла третье место, обогнав либеральных демократов. Она последовательно добивается успехов на местных выборах. Консервативная партия опасается конкуренции со стороны евроскептически настроенной ПНСК и свой политический курс формирует с оглядкой на партию Н. Фараджа.

Юнионисты в Северной Ирландии считают полномочия национальной ассамблеи достаточными, а партия Шинн Фейн же-

---

Cities call for greater devolution. URL: http://www.thebusinessdesk.com/northwest/news/614901-cities-call-for-greater-devolution.html?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=NorthWest_9th_May_2014_-_Daily_E-mail.

⁶⁴ England only votes: What are the options? URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-29292721>.

⁶⁵ Scottish Mps fury at Farage demand... URL: <http://www.express.co.uk/news/uk/512954/Scottish-Mps-fury-at-Farage-demand>; Nigel Farage: A voice for England. URL: http://www.ukip.org/nigel_farage_a_voice_for_england.

лает, чтобы полномочия ассамблеи в налогообложении и расходовании бюджета были увеличены.

В Уэльсе Первый министр, лейборист К.Джонс потребовал права участвовать в любых обсуждениях деволюции, а лидер Плайд Камри Л.Вуд полагает, что полномочия Уэльса следует расширить, если будут расширены права Шотландии, чтобы к Уэльсу не относились как ко «второсортному региону»⁶⁶.

Ещё одно следствие референдума – подъём партий, выступавших за независимость Шотландии. Так, ШНП стала третьей по численности партией в Соединённом Королевстве, обогнав Партию либеральных демократов: 42 000 членов против 25 642 до референдума; а партия «зелёных» более чем вдвое – с 2 до 5 тыс. человек⁶⁷. ШНП и «зелёные» указывают, что их ряды пополнились во многом за счёт бывших сторонников лейбористов, что поменяло расклад политических сил в регионе.

Однако речь идёт не только о Шотландии: лейбористы задумываются о том, чтобы наряду с региональными отделениями партии в Шотландии и Уэльсе создать отделение в Англии, чтобы и партия в Англии имела отдельное руководство, депутатов и специальную программу для Англии. К тому же, следует учитывать, что во многом голосование на референдуме в Шотландии имело яркий протестный характер, направленный против истеблишмента.

Представляется, что безусловная победа тори на парламентских выборах в Британии (май 2015 г.)⁶⁸ не сможет снизить влияние малых партий. Действительно, ШНП вытеснила лейбористов из Шотландии, как ранее оказались вытеснены тори, хотя

---

⁶⁶ England only votes: What are the options? URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-29292721>.

⁶⁷ Scottish referendum: «Yes» parties see surge in members. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-29311147>.

⁶⁸ Тори получили 331 место в парламенте, лейбористы – 232, ШНП – 56, ПЛД – 8, ПНСК и «Зелёные» – по 1 депутату. В силу мажоритарной системы соотношение мест в парламенте изменилось судьбоносно: тори – 51% (37% голосов), а лейбористы – 36% (30,5% голосов). Election 2015. URL: <http://www.bbc.com/news/election/2015/results>; <http://www.theguardian.com/politics/nginteractive/2015/may/07/live-uk-election-results-in-full>; <http://www.theguardian.com/politics/2015/may/09/election-polls-made-three-key-errors>.

за неё проголосовала лишь половина избирателей региона⁶⁹. Более того, референдум не разрешил вопрос об отделении Шотландии на сколь-нибудь длительную перспективу: если свой беспрецедентный успех на общенациональных выборах ШНП подтвердит на выборах в региональный парламент в 2016 г., то не исключён новый референдум о независимости.

Либеральные демократы утратили позиции в парламенте кардинально. Лейбористы пожинают плоды отказа от реформирования избирательной системы страны, что и предлагали либерал-демократы. Собирается, подхватив знамя у ПЛД, бороться за изменение избирательной системы Партия независимости Соединённого Королевства. Действительно, за ПНСК проголосовало 3,9 млн или 12,6% избирателей. Мест в парламенте – 1, или 0,2%.

Британия встала перед взрывной проблемой реформирования государственного устройства, масштабной перегруппировки политических сил в результате референдума о независимости Шотландии и всеобщих выборов. Лидер консерваторов Д. Кэмерон вновь стал премьер-министром теперь уже однопартийного правительства. Основная повестка дня – переговоры с ЕС об условиях членства Британии в Евросоюзе и дальнейшая деволюция Шотландии. Д. Кэмерон сразу после оглашения результатов выборов обещал продолжить деволюцию в Уэльсе, Северной Ирландии и Шотландии, отметив, что Шотландия станет «самым сильным автономным правительством в мире с широкими полномочиями в налогообложении». Не преминул он добавить, что конституционное урегулирование не будет полным без «справедливости» в отношении Англии⁷⁰.

Сторонники независимости Шотландии проиграли референдум, однако вопросы будущего государственного устройства страны не только остались, но и встали в полный рост.

---

⁶⁹ Ibid. 50% голосов шотландцев (4,7% от общей численности британских избирателей) принесли ей 56 из 59 мест (квота Шотландии в Вестминстере), что составляет 95% от квоты региона, или 8,6% мест в Палате общин, то есть почти вдвое больше доли голосов. На прошлых выборах её результат составлял 6 мест (менее 1% мест) при 1,7% голосов.

⁷⁰ Election 2015: Prime Minister's speech. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/election-2015-prime-ministers-speech>.

КАТАЛОНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ ПРОСЧИТАЛИСЬ

Для начала разговора о нынешних попытках Каталонии добиться независимости от Испании – совсем немного истории, истории длинной и порой трагической. В каталонцах почти на генетическом уровне заложено чувство униженности и оскорбленности насильственным включением их территории в состав испанской империи. Эта часть страны всегда была наиболее богатой и экономически развитой, и каталонцы на притеснения Мадрида отвечали народными бунтами и восстаниями. И всякий раз терпели поражение, постепенно утрачивая свои немалые прежние привилегии, т.н. «фуэрос», в составе испанской монархии. Дорого обошлась Каталонии и поддержка республиканцев в Гражданской войне (1936–1939 гг.). Франкистский режим уничтожил её традиционное местное самоуправление и культурную самобытность, а за каталанский язык, который идеологи франкизма называли «собачьим», преследовали, его употребление в общественных местах запрещалось. Всё же мрачные времена канули в Лету и, казалось бы, в послефранкистской демократической Испании, в стране равноправных автономий, все старые распри должны были исчезнуть. Каталония за 40 лет достигла реальных успехов, как в экономическом развитии, так и в культурном строительстве, и могла бы отринуть свои прежние националистические устремления, но этого не произошло. По утверждению испанских социологов, им подвержена почти половина населения региона.

Думалось, что после несостоявшегося в ноябре 2014 г. референдума сепаратистски настроенной части политической элиты на годы вперед заказано даже говорить о независимости. Казалось, что националистические партии, обладающие большинством в региональном парламенте, извлекли урок из антиконституционного противостояния с центральным правительством, а проблемы Каталонии, копившиеся десятилетиями, начнут об-

---

* Верников Владимир Леонидович, руководитель Центра иберийских исследований ИЕ РАН.

суждать и решать в рамках единого государства. Дело в том, что экономический кризис последнего десятилетия не обошёл Каталонию стороной, а правительство, увлечшись политическими играми в независимость, все эти годы фактически бездействовало. К сожалению, прогноз оказался чересчур оптимистичным. После ноябрьского поражения две националистические партии – «Конвергенция и Союз» и «Левые республиканцы», проведя перегруппировку сил, создали противоестественную коалицию правых и левых и выработали новую стратегию борьбы за независимость. Они объявили о намерении провести в сентябре 2013 г. досрочные выборы в региональный парламент плебисцитарного характера, что разогрело политический климат во всей Испании и заставило центральные власти воспринимать их всерьёз по той же причине, что и несостоявшийся референдум.

Каково же реальное «политическое здоровье» Каталонии в преддверии острой схватки за будущее региона⁷¹? Новый повод говорить об этом дали прошедшие 24 мая 2015 г. в Испании и в Каталонии муниципальные выборы, которые завершились совсем не оптимистично для сторонников независимости. Они существенно изменили расклад политических сил, что в ещё большей степени делает неопределёнными как сами объявленные досрочные выборы в региональный парламент, так и их результаты. Итоги муниципальных выборов показали, что две ведущие партии страны – «Народная» и «Социалистическая рабочая» потерпели поражение, потеряв по 35-55% голосов избирателей и, естественно, депутатских мандатов различного достоинства. На авансцену вышли новые политические силы в лице широких общественных движений и недавно родившихся политических партий левого или центристского толка, без всякого пиетета подвинувшие у избирательных урн традиционные партии.

В Каталонии это стало настоящим шоком для тех, кто долгие годы твердил о «едином народе и единой нации», требуя для неё независимости, и был уверен в своей победе после хитроумных партийных манёвров накануне выборов. Лидер находяще-

---

⁷¹ Подробнее см.: Верников В.Л. Каталония в поисках независимости. Современная Европа. 2015. № 2. С. 61-71.

гося у власти партийного блока «Конвергенция и Союз» Артур Мас после слабой явки и плохих результатов на ноябрьском эрзац-референдуме, конечно, предвидел неприятности на приближавшихся муниципальных выборах и в условиях цейтнота постарался заручиться поддержкой лидера сепаратистской партии «Левые республиканцы Каталонии», но ощутимого эффекта это не дало. Не праздновал победу и Ориол Хункерас – его новоявленный союзник, хотя партия шла на выборы самостоятельно, а не общим списком с «Конвергенцией». Оба они явно просчитались, делая ставку на голоса сторонников независимости. В итоге они пропустили в муниципальные органы власти впереди себя своих политических соперников и представителей новых партий – «Граждане», «Мы можем» («Podemos») и двух общественных движений, активно выступающих против отделения Каталонии от Испании. Особенно болезненной оказалась утрата ими городского правительства Барселоны, где выборы выиграла лидер общественного движения «Барселона для всех» Ада Колау. Она в течение многих лет проводила многотысячные марши протеста людей, не справившихся в условиях кризиса и роста безработицы с ипотекой и потерявших своё жильё. Теперь они отдали ей муниципалитет Барселоны, что вызвало панику в экономической элите Каталонии и у самих сторонников независимости. «Без Барселоны весь процесс за независимость обречён на неудачу», – признал А. Мас⁷². «Мы не можем доверять «антисистемнице» экономическое развитие, стабильность и будущее Каталонии», – бросил ему президент одной из влиятельных экономических ассоциаций А. Костас. И задал главе кабинета сакраментальный вопрос: «Уж не ошибочное ли сползание к независимости и её неприятие виновно в этой победе?»⁷³. Ответ не последовал. Предпринимались попытки помешать А. Колау сформировать левое правительство в блоке с социалистами, «Podemos» и другими новичками в политике, но они не увенчались успехом. От противоестественного союза с «Конвергенцией» и «Левыми республиканцами», выступающими за независимость региона, отказались не только народники и социалисты, но и

---

⁷² El Pais. 27.05.2015.

⁷³ La Razon. 25.05.2015.

впервые вошедшие в городской совет депутаты партии «Граждане», категорически отвергающие саму идею отделения Каталонии от Испании. Лидер «Граждан» Альбер Ривера был категоричен: «Мы не сядем за стол переговоров с теми, кто хочет разрушить страну».

Экономический фактор в сепаратистских устремлениях Каталонии, бесспорно, главный, и обусловлен он, по мнению лидеров Социалистической рабочей партии, устаревшим государственным устройством страны. Однако Народная партия отказывается даже начать разговор с автономиями о пересмотре Конституции и переходе к федеративной или даже конфедеративной форме государства. Возможно, такие переговоры в значительной степени утомили бы сепаратистские силы не только в Каталонии, но и в Стране басков, и в Галисии, и на Канарских островах. Эгоистические настроения каталонцев, и прежде высказывавших недовольство бюджетной и налоговой политикой центральных властей, в условиях резкого сокращения трансфертов и инвестиций в общественный сектор получили дополнительный стимул, чтобы выразить недовольство своим статутом. Они даже подсчитали, что регион производит до 20% ВВП страны, а разница между тем, что он отдаёт в общую казну, и 16 млн евро в год, которые получает в виде субсидий и различных выплат, эквивалентна 8% регионального валового продукта⁷⁴. Таковы хорошо известные и в других странах противоречия между богатым и развитым Севером и бедным аграрным Югом, когда первый убеждён, что «кормит» своих разнеженных солнцем и плохо работающих соотечественников, и рад бы от них отделиться. По сути это и есть новый европейский сепаратизм, ничего общего не имеющий с классическим определением «борьбы наций за самоопределение, вплоть до отделения...», – сепаратизм экономический. Его лидеры не связаны с радикальными или маргинальными группами и выдвигают, в первую очередь, экономические аргументы в поддержку своих требований, апеллируя не к люмпенизированным массам или угнетаемым кем-то национальным меньшинствам, а к среднему классу. Они за-

---

⁷⁴ В Каталонии пройдут досрочные парламентские выборы. URL: <http://ria.ru/europe/20121125/912093973.html>.

щищают, прежде всего, региональные финансовые и бизнес интересы национальной элиты. Идеологически эти новые сепаратистские движения не носят ни национального, ни националистического, и уж тем более освободительного характера, но демагогически используют националистическую фразеологию.

Многие факторы внутриполитической жизни Каталонии позволяют сделать достаточно обоснованный прогноз: если в создавшейся ситуации досрочные парламентские выборы 27 сентября 2015 г. и состоятся, то результат их разочарует сторонников независимости Каталонии. Им не удалось убедить большую часть населения региона, что вне Испании и вне ЕС удастся построить процветающую страну. Плебисцитарный характер выборов невозможен – большинство политических партий не согласятся включить в свои программы вопрос о независимости. Референдум – тем более. В одиночку «Конвергенция» победить не сможет, если её давние партнёры по коалиции, демохристиане из Демократического союза во главе с Х. Дураном Льеидой, решат идти под другими знаменами и без призывов к независимости. Следовательно, либо досрочные выборы приведут к предсказуемому результату, либо сохранится статус-кво, но с возросшими возможностями успешного торга с центральным правительством о различных экономических преференциях. Такой вариант в принципе должен удовлетворить обе стороны затянувшегося конфликта.

Стоит сказать несколько слов о новичке в испанской политике – партии «Мы можем». Вопреки громким обещаниям лидеров партии и политологическим гуру, на муниципальных выборах в Каталонии её кандидаты не победили ни в одной из муниципий. Да и не могли победить. Они нигде не шли в одиночку, а лишь в неформальных блоках и объединениях. Тактически решение было верным: слишком их боялись за левизну, за антикапиталистические лозунги, за антисистемность. Тем не менее, многие из кандидатов, хотя и прошли по спискам не первыми номерами, стали советниками в муниципалитетах, что тоже стало большим достижением. Время покажет, чего они реально стоят как управленцы, но на гипотетических досрочных региональных выборах, на мой взгляд, им вряд ли приходится

рассчитывать на победу в одиночку при жёсткой конкуренции с традиционными партиями и националистическими объединениями. Получить небольшое количество депутатов в региональном парламенте уже было бы для них большим успехом. Показательно, что и в других автономиях на прошедших муниципальных и региональных выборах они нигде не победили и высокой представительности не добились. Подтвердилось мнение многих испанских аналитиков о фантомности политической партии «медийного покроя» на национальном уровне. Выборы в Национальные кортесы определяют будущее этой партии, которую многие в стране хотели бы видеть как левую парламентскую альтернативу традиционным партиям, включая социалистов. О победе пока говорить рано, хорошо бы ей стать мощной оппозицией и доказать своё право на власть, но дело это не ближайшего будущего.

М.Ю. Сорвина*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ И ЕГО АВТОНОМИЯ

Южный Тироль, широкая автономия и проблемный регион Северной Италии с давними сепаратистскими тенденциями, в начале XXI в. продолжает бороться за право на самоопределение. Главной политической силой процесса выступают оппозиционные итальянскому правительству партии и общественные организации – «Независимые» (Die Freiheitlichen), «Свобода Южного Тироля» (Süd-Tiroler Freiheit) и «Оборонный союз стрелков Южного Тироля» (Südtiroler Schützenbund).

Ранее Южный Тироль был плодородным аграрным краем с австрийскими патриархальными традициями, основанными на католической религии, любви к земле и крепких семейно-родовых устоях. После присоединения края к Италии в 1919 г. была предпринята попытка насильственно итальянизировать регион посредством миграции переселенцев с итальянского юга. В эпоху фашистского режима Муссолини были запрещены язык, ис-

---

* Сорвина Марианна Юрьевна, к.искусств., преподаватель РГГУ.

тория, культура и традиции немецкоязычного большинства региона, равно как и родственного ладинского этноса.

Репрессивные действия итальянского правительства в особенности коснулись немецкоязычного крестьянства, которое исторически было в Южном Тироле не только основным экономическим классом, но и главной политической активной силой. Политика подавления продолжалась и в 1950–1970-е гг., что было напрямую связано с партизанским движением 1960-х гг., основную опору которого составляли политически активные фермеры. После того как в середине 1960-х гг. движение сопротивления было обезглавлено, активные настроения крестьянства сменились глубоким застоём и утратой надежд в 1970–90-е гг. Доля занятых в аграрном секторе региона с 73% снизилась до 12%, а большая часть населения трудоустроилась в сфере обслуживания. Поскольку итальянское правительство расценивало провинцию Альто-Адидже (итальянское название Южного Тироля) как туристический регион, гостиничный и туристический бизнес стали преобладать на территории края. Поэтому политическое движение Южного Тироля конца XX-начала XXI в. опирается уже не на крестьянские общины, а на партии и общественные организации.

Ведущая партия региона – Народная партия Южного Тироля (НПЮТ), создана 8 мая 1945 г. на основе антифашистского Союза Андреаса Хофера, образованного в 1938 г. ведущими деятелями южно-тирольского сопротивления, что позволило и НПЮТ унаследовать достойное политическое реноме. Авторитетность основателей Союза Ганса Эггера, Фридриха Фолгера, Йозефа Майер-Нуссера и перенесённые ими репрессии (заключение Фолгера в тюрьму Дахау, гибель Майер-Нуссера в нацистском концлагере), равно как и ориентация партии на католические ценности, стали одной из причин политического долгожительства НПЮТ. Её ведущей роли в политике Южного Тироля способствовали радикальное обновление партии в 1957 г. и деятельность Сильвиуса Маньяго (1957–1993) – автора «пакета автономии». Работа над «пакетом» началась в 1960-м и официально завершилась в 1992 г. – с закреплением законов автономии и отказом Австрии от претензий к Италии по южно-ти-

рольскому вопросу.

70-летие одной партии во власти – феномен редкий в условиях демократии. Её рейтинг опускался до 53% лишь в 1993 г., когда Маньяго покинул свой пост. Казалось бы, с его смертью в 2010 г. преимущественное положение партии должно было измениться, но и тогда этого не произошло.

На выборах 2013 г. места в Ландтаге получили 9 партий.

Южно-тирольский парламент XV созыва (2013–2018 гг.)⁷⁵

партия	русское название партии	кол-во голосов	доля голосов (в %)	кол-во мандатов (из 35)
Südtiroler Volkspartei (SVP)	Народная партия Южного Тироля	131255	45,7	17
Die Freiheitlichen	«Независимые»	51510	17,9	6
Grüne-Verdi-Vërc	«Зелёные»	25070	8,7	3
Süd-Tiroler Freiheit (STF)	«Свобода Южного Тироля»	20743	7,2	3
Partito Democratico	Демократическая партия	19210	6,7	2
Forza Alto Adige – Lega Nord – Team Autonomie	«Вперёд, Альто Адидже» – Лига Севера – «Команда автономии»	7120	2,5	1
Movimento 5 Stelle	«Движение 5 звёзд»	7100	2,5	1
Bürger Union-Ladins Dolomites-Wir Südtiroler	«Гражданский союз» – Ладины – «Мы южные тирольцы»	6065	2,1	1
L'Alto Adige nel cuore	«Альто Адидже в сердце»	6061	2,1	1

Стабильные 17 мест из 35-ти в Ландтаге Народная партия сохраняла и при губернаторе Луисе Дурнвальдере, преемнике Маньяго. Они были переданы и новому губернатору Арно Компатчеру в 2014 г. Одной из причин успеха продолжал оставаться «пакет автономии», идеологически кормивший правящую партию даже после смерти его создателя. Однако для электората, поддержка которого снизилась к началу века на 3%, необходимо было придумать новую популярную идею. И Дурнвальдер с 2009–2010 гг. начал проводить региональную реформу в экономике, связанную с продовольственными поставками. По примеру Австрии он решил перевести хозяйство Южного Тиро-

⁷⁵ Ergebnisse der Landtagswahlen in Südtirol. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_der_Abgeordneten_des_S%C3%BCdtiroler_Landtages.

ля на региональные рельсы, дав местным фермерам возможность заработать, и одновременно улучшить качество продуктов питания за счёт отказа от дальних перевозок. Этот шаг в сторону фермеров и их интересов в контексте европейской интеграции и укрупнения продовольственных поставок начала XXI в. казался почти революционным. Губернатор расценивал его как «триумф региональной экономики» и «вызов правительственной программе»⁷⁶. Новаторская идея была вызвана не только популизмом губернатора, но и скандалами 2011–2012 гг., связанными с появлением в Италии недоброкачественных фруктов и случаями заражения гепатитом.

Помимо региональных инноваций Дурнвальдер активно внедрял социальную программу для молодых семей. Ему удалось увлечь этим проектом и смежную провинцию Трентино, в которой всегда преобладало итальянское население. Тем самым он рассчитывал если не стереть вовсе, то, по крайней мере, сделать менее различимой грань между двумя исторически противостоящими регионами.

Популярность Дурнвальдера подкреплялась также его медийной деятельностью и личной открытостью. В руках Народной партии находились телевидение Южного Тироля, местное радио и крупнейшая немецкоязычная газета «*Dolomiten*», что позволяло управлять настроениями электората.

Наряду с этими начинаниями, популярности НПЮТ немало способствовала поддержка влиятельных представителей местного истеблишмента, вроде известного альпиниста Р. Месснера⁷⁷. Благодаря своей конформистской позиции по отношению к итальянскому правительству, Месснер получил возможность заседать в Европарламенте. Он достаточно популярен у части молодёжи края, хотя представляет собой фигуру довольно одиозную. Те, кто ценит личное процветание дороже истории и традиций, составляют внушительную долю электората Народной партии. Ей отдают свои голоса и многие представители старшего поколения из опасения на склоне лет утратить стабиль-

---

⁷⁶ Regionalität ist Triumph. Das Land Südtirol. 2013. № 8. S. 16.

⁷⁷ Messner R. Ich habe keinen Groll gegen die Politik in Italien. Der Vinschger Wind. № 16. 2012. 9 August.

ный образ жизни в случае самоопределения региона. Подобные настроения активно поддерживает правящая партия Южного Тироля, несмотря на устойчивое экономическое положение края, не затронутого экономическим кризисом. Южный Тироль, как и некоторые другие области итальянского Севера, служит экономическим донором страны⁷⁸.

	ВВП на душу населения в 2014 г. (в €)	уровень занятости (в %)	уровень безработицы (в %)
Южный Тироль	34700	73,5	3,3
Италия	24300	57,5	8,4
ЕС	23500	64,6	9,7

Весь политико-экономический багаж Южного Тироля и Народной партии унаследовал в 2014 г. новый губернатор Арно Компатчер. Он удачно подходил на роль лидера по своему имиджу: спортсмен, юрист с популярным в Южном Тироле двуязычным высшим образованием (Инсбрукский и Падуанский университеты), отец шестерых детей. Стодневный срок нового губернатора показал, что его взгляды и стиль правления мало чем отличаются от предыдущей пассивной линии партии «самой лучшей в мире автономии». Однако новый лидер Южного Тироля не обладал ни политической волей и одержимостью реформатора, свойственными С. Маньяго, ни медийной самоуверенностью Л. Дурнвальдера.

Едва приступив к своим обязанностям, Компатчер заявил, что «любые меры, любые споры могут привести к конфликтам и разбередить старые раны»⁷⁹. По его мнению, «многонациональное общество в Южном Тироле уже построено, мирное сосуществование установлено, и будет неправильным раскалывать население введением двойного гражданства или проведением референдума». Он стал ездить в Рим за инструкциями, что не осталось незамеченным земляками. Из-за частых «римских каникул» нового губернатора противники стали называть его «бравым итальянским школьником, исправно выполняющим

⁷⁸ Таблица составлена автором на основании статистических данных ASTAT и ISTAT. URL: <http://www.provinz.bz.it/astat/de/haushalte-soziales-leben/einkommen-armut.asp>.

⁷⁹ Südtirol: Zur Frage der Doppelstaatsbürgerschaft. Süd-Tiroler Freiheit. 2015. 25 Februar.

римские домашние задания»⁸⁰. Оппозиционные силы региона считают причиной подобной самоуспокоенности «партии власти» нежелание расставаться со своим стабильным финансовым положением.

В программе НПОТ есть пункт о самоопределении края: «Народная партия стоит на позициях защиты немцев и латинов Южного Тироля в соответствии с международным законом о защите прав меньшинств. Партия также подтверждает право на самоопределение Южного Тироля»⁸¹. Но это не более чем политическая риторика, характерная для большинства партий региона.

История «Независимых» – второй по влиятельности партии – не была с самого начала безупречной. Образованная в 1993 г., она оказалась в 1998 г. на грани распада, когда её главу К. Вальднера застрелил его же соратник, которого тот шантажировал поддельным дипломом о высшем образовании. Это громкое – для достаточно спокойного региона – судебное дело стали несправедливо связывать с самой партией «Независимых». Однако партия смогла выстоять, а в начале XXI в. даже поднялась на второе место по количеству отданных за нее голосов и мандатов в региональном ландтаге⁸².

год	председатель	кол-во голосов	доля голосов (в %)	кол-во мандатов	изменения
1993	К. Вальднер	18669	6,1	2	-
1998	П. Ляйтнер	7543	2,5	1	-1
2003	П. Ляйтнер	15121	5,0	2	+1
2008	П. Ляйтнер	43614	14,3	5	+3
2013	В. Блаас	51504	17,9	6	+1

Недавний руководитель партии, педагог П. Ляйтнер в своей предвыборной программе, наряду с социальными проектами, использовал идеи о самоопределении и сделал ставку на критику ведущей партии. Такой же тактики придерживается его преемник, журналист В. Блаас.

⁸⁰ Из письма пресс-секретаря партии STF Кристиана Колльмана от 03.03.15 (личный архив автора).

⁸¹ Программа Народной партии Южного Тироля. URL: <http://www.svp.eu/de/partei/grundsatzprogramm>.

⁸² Таблица составлена на основе: Die Freiheitlichen. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Die_Freiheitlichen.

В 2012 г. партия выступила с новой инициативой – опубликовала проект конституции «Свободного государства “Южный Тироль”» профессора П. Пернталера⁸³. Инициатива послужила не только росту рейтинга «Независимых», но, во многом, политическому пробуждению населения региона. Наиболее радикальные движения края – «Свобода Южного Тироля» и «Оборонный союз стрелков Южного Тироля» – выступили за публичное обсуждение проекта и внесения предложений по его тексту. Такой поправкой мог бы стать пункт об особом статусе самого «Оборонного союза стрелков» как военно-патриотического движения с давней исторической традицией. В противном случае не указанное в конституции военизированное образование может быть распущено или причислено к негосударственным объединениям.

Партия «Свобода Южного Тироля» (СЮТ), которую можно определить как организацию мирных сепаратистов, была образована в 2007 г. в результате отделения активной части «Союза Южного Тироля». Другая его часть, позднее преобразованная в «Гражданский Союз», вошла в партийную триаду «Гражданский союз» – Ладины Доломитов – «Мы южные тирольцы», политического веса не имеющую и занимающую одно место в Ландтаге.

СЮТ возглавила популярная Эва Клотц – дочь лидера партизанского движения 1960-х гг. Г. Клотца. Созданная под её руководством программа партии содержит следующие требования⁸⁴:

- право Южного Тироля на самоопределение посредством референдума о его политическом будущем;
- право на неограниченное использование родного языка;
- изменение псевдоисторических топонимов, цель которых – италянизация Южного Тироля;
- прекращение италянизации школьного воспитания, передача детям знаний о родной истории и традициях;
- использование исторического и культурного единства Се-

---

⁸³ Pernthaler P. Die Verfassung des Freistaates «Südtirol». 3. Abschnitt. 27. Artikel. § 2. URL: <http://www.die-freiheitlichen.com>, www.facebook.com/diefreiheitlichen.

⁸⁴ Sued-Tiroler Freiheit. Programmatische Gruendzuege. URL: <http://www.suedtiroler-freiheit.com/programm/>.

верного, Восточного и Южного Тироля в бизнесе, политике и культуре.

В сфере экономики партия декларирует «скромность вместо мании величия», критикуя нерентабельность помпезных проектов строительства (например, нового аэропорта в Боцене или тоннеля под Бреннером)⁸⁵. По мнению СЮТ больше пользы принесли бы поддержка фермеров, развитие образования и социокультурные программы для молодёжи.

С уходом Э. Клотц в отставку в 2014 г. её сменила 32-летняя предпринимательница Мириам Атц Тиммерле. Можно предположить, что СЮТ позиционирует себя как партия активных женщин, хотя Южный Тироль – регион с патриархальными традициями и выраженными чертами военно-исторического патриотизма. Не случайно эта сепаратистская партия давно сотрудничает с «Оборонным союзом стрелков Южного Тироля».

В 2015 г. новым поводом для критики и правящей партии, и итальянского правительства, стали попытки размещения в регионе мигрантов из Азии и Африки. И «Независимые», и СЮТ считают эту меру новой формой итальянизации региона⁸⁶. В этом же контексте рассматриваются: приобретение жилья итальянскими военнослужащими на деньги южно-тирольских налогоплательщиков, проекты грандиозного строительства, попытки сократить количество немецкоязычных культурных обществ, требование к южно-тирольским спортсменам выступать за Италию⁸⁷.

В центре внимания по-прежнему остаётся вопрос о самоопределении края. В этой связи предлагается: ввести двойное гражданство для южных тирольцев; осуществить совместные промышленные проекты всех областей Тироля – Южного, Северного и Восточного; поощрять труды, направленные на разрешение южно-тирольской проблемы. Предложение оппозиционных партий о введении двойного гражданства преследует несколь-

---

⁸⁵ BBT-Infopoint: URL: <http://www.hotel-zur-bruecke.com/culture/bbt-infopoint-p94.html>.

⁸⁶ Leitner P. Freiheitliche fordern Auskunft über neue Flüchtlingsunterkünfte. Die Freiheitlichen. 2015. 27 mai.

⁸⁷ Из письма пресс-секретаря партии СЮТ Кристиана Колльмана от 27.05.2015 (личный архив автора).

ко целей: дать Австрии совещательный голос при решении южно-тирольских вопросов; предоставить южным тирольцам помощь австрийского консульства; позволить спортсменам Южного Тироля выступать за Австрию, а не за Италию; расширить представительство южных тирольцев в Национальном совете и в Европарламенте⁸⁸. Всё это рассматривается как очередные шаги к обретению независимости⁸⁹.

Среди экономических инициатив можно назвать уже намеченные в Южном Тироле проекты: общее для Тироля энергопользование, сотрудничество в туристическом секторе, маркетинг под единым торговым брендом, создание общего Тирольского банка.

Одной из главных научных инициатив в регионе стал международный проект «IATZ!», посвящённый памяти историка и писателя Гюнтера Обвегса, трагически погибшего в январе 2013 г. С 2014 г. фонд «Оборонного союза стрелков Южного Тироля» присуждает Премию Обвегса за научные труды по решению южно-тирольской проблемы.

Авторы подобных инициатив считают их первым шагом на пути к устранению вековой проблемы и к постепенному решению южно-тирольского вопроса в рамках международного права.

Ю.И. Рубинский*

КОРСИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Французская нация изначально сложилась на весьма разнообразной этнической основе кельтских и германских племён, постепенное слияние которых произошло не снизу, а сверху, под воздействием политического фактора – государства. Именно оно – сначала Римская империя, затем феодальная и абсо-

---

⁸⁸ В итальянском парламенте и правительственных комитетах Южный Тироль имеет лишь один голос – в лице главы Ландтага.

⁸⁹ Из письма пресс-секретаря партии СЮТ Кристиана Колльмана от 03.03.2015 (личный архив автора).

* Рубинский Юрий Ильич, д.и.н., руководитель Центра французских исследований ИЕ РАН.

лютная монархии, наконец, республика – обеспечило общность языка, культуры, правовых норм страны.

Строго централизованная и единообразная вертикаль французской административной системы, всегда игравшая значительную роль в экономической и культурной жизни общества, всячески минимизировала региональные различия, в которых усматривалась потенциальная опасность сепаратизма. Государство провозглашало страну «единой и неделимой», решительно отвергая любые формы автономии и тем более федерализма, что заметно отличает Францию от её соседей по ЕС – Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, а теперь также Испании и Великобритании.

Характерно, что сами понятия «национальность» и «гражданство» во Франции даже юридически совпадают, исключая термин «нацменьшинство»: все граждане Французской республики независимо от этнической принадлежности официально именуется французами. Тем самым их идентичности, чувству принадлежности к одному народу с единой культурой, языком, исторической судьбой придаётся гражданский характер.

Разумеется, подобная установка во многом условна, а иногда и искусственна. Она сознательно игнорирует, например, множественную идентичность таких категорий граждан, как евреи (600 тыс.), армяне (400 тыс.), цыгане (200 тыс.), которые сочетают французский патриотизм с собственной культурно-конфессиональной самоидентификацией и солидарностью с соплеменниками за рубежом. Это тем более относится к иммигрантам, прежде всего арабам-мусульманам из Северной Африки, получившим французское гражданство, но сохраняющих культурную и религиозную специфику.

В какой-то мере такую неоднозначность можно констатировать и у жителей т.н. «маршей» – пограничных областей, сравнительно поздно вошедших в состав французского государства: Бретани, Эльзасе с германоязычной частью Лотарингии, Стране басков, Корсике, сохраняющих этнолингвистическую общность с сопредельными государствами.

У бретонцев, эльзасцев, басков очевидно стремление сохранить свой язык – баскский, диалекты гэльского и немецкого, за-

щитить культурное достояние, экономические интересы своего региона, что вполне совмещается с патриотическим сознанием принадлежности к единой нации – ни о каком сепаратизме они не помышляют.

Например, французские баски сочувствуют борьбе испанских за независимость, помогают их подпольным организациям, но не собираются брать с них пример. Эльзасцы, чья страна трижды переходила от Германии к Франции и обратно, не склонны повторять печальный опыт прошлого и считают лучшей гарантией от этого европейскую интеграцию в рамках ЕС, одной из «столиц» которой служит Страсбург.

Единственным исключением в какой-то мере выглядит Корсика, где националистические настроения перерастают порой в сепаратизм и приобретают форму террористического подполья. Это объясняется особенностями исторических судеб и социально-экономическими проблемами «Острова Красоты», как именуют обычно Корсику французы.

Корсика (площадь 8680 км², население 314,5 тыс.) сменила за свою историю много хозяев – римлян, вандалов, византийцев. С XI в. она принадлежала папскому престолу, который передал её под управление пизанцев, затем генуэзцев. В 1768 г. Генуэзская республика по Компьенскому договору продала остров в уплату своего долга королю Франции.

Корсиканцы, говорящие на диалекте итальянского языка, всегда отличались независимым характером – они не раз поднимали восстания против Генуи, а затем Франции. После революции 1789 г. Паоли, статуя которому стоит на центральной площади исторической столицы острова – Кортэ, провозгласил независимость, быстро подавленную французскими войсками. Характерно, что хотя самый знаменитый корсиканец в истории – Наполеон Бонапарт, родившийся в Аяччо, служит предметом гордости своих соотечественников скорее перед иностранцами и тем более французами – у себя на родине он уступает Паоли.

Современная Корсика – один из наименее развитых среди 13 регионов метрополии (кроме заморских департаментов и территорий). Основой её экономики служат сельское хозяйство – фрукты, овощи, виноград, горное животноводство, туризм, стро-

ительство и торговля недвижимостью. Сравнительно низкий для Франции жизненный уровень коренных жителей острова ведёт к постоянному оттоку населения на континент, где обособилась почти половина корсиканцев. Многие из них заняли видное положение, с одной стороны, в политической жизни, на госслужбе, особенно в правоохранительных органах, в адвокатуре, а с другой, – в мафиозных структурах игорного бизнеса, рэкета, наркоторговли Юго-Востока (Прованс-Лазурный берег, особенно Марсель).

Социально-экономические трудности корсиканцев на фоне скупки иностранцами элитных участков на побережье стали питательной почвой для подъёма националистических настроений. Толчком для них послужили события 22 августа 1975 г. в Алерин, когда протесты жителей против продажи земель местных виноделов вылились в столкновения с жандармами, в ходе которых были жертвы. Ответом стало год спустя преобразование прежнего умеренного автономистского движения – Союза народа Корсики во Фронт национального освобождения Корсики (ФНОК), выдвинувшего лозунги независимости. На выборах кандидаты-националисты собирали свыше четверти голосов избирателей.

Парижские власти заняли двойственную, колеблющуюся позицию, сочетавшую отдельные уступки с сохранением унитарного характера государства. Остров, административно разделённый на два департамента (Верхняя и Нижняя Корсика), был выделен в особый регион, жители которого избирают свою территориальную Ассамблею. Вместе с тем Конституционный совет отверг употребление самого термина «корсиканский народ» как несовместимого с Основным законом.

В результате ФНОК ушёл в подполье и занялся терактами – подрывом отелей, вилл иностранцев, покушениями на представителей правоохранительных органов. Их жертвами стали более 200 человек. Апогеем вооружённой борьбы стало убийство 6 февраля 1998 г. префекта Эриньяка, вызвавшее широкий резонанс во всей Франции. Однако за прошедший с тех пор период сепаратистское движение постепенно спадало. ФНОК раскололся на две конкурирующие структуры – боевую и легальную. На

выборах значительное большинство избирателей предпочитает отдавать голоса местным филиалам общеполитических партий – левым (социалисты) или правоцентристским. Корсиканские националисты, отказавшиеся от вооружённой борьбы, выглядят сегодня заметно менее радикальными, нежели испанские (Каталония, Страна басков), итальянские (Лига Севера) или британские (Шотландия). Сепаратизм на «Острове Красоты» становится всё более маргинальным явлением.

С.А. Забелин*

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА НА КИПРЕ

«Кипрский вопрос» вот уже более полувека остаётся одной из актуальных проблем во внешней политике двух стран-соседей: Греции и Турции. Его, пожалуй, можно назвать едва ли не единственным неразрешённым этно-территориальным конфликтом внутри ЕС. Начался он в июле 1974 г., когда Турция, на фоне резкого обострения политической ситуации на Кипре, высадила 40-тысячный воинский контингент на остров, 37% территории которого перешло под её контроль. На севере острова было провозглашено создание Турецкого Федеративного Государства Кипра. Год спустя произошёл обмен населением, в результате чего большинство турок-киприотов сконцентрировалось на севере острова, большая же часть греков-киприотов – на юге. Такая ситуация сохраняется на Кипре по сей день.

С тех пор неоднократно предпринимались попытки, сначала при посредничестве США и Великобритании (мирное соглашение 1975 г.), а в дальнейшем при участии ООН, урегулировать конфликт, и добиться, в конечном счёте, объединения острова. Однако общие положения, изложенные в соглашении 1975 г., не устранили разногласий относительно предполагаемого устройства общего федеративного государства. После восьми лет безрезультатных переговоров в 1983 г. на севере острова была

---

* Забелин Сергей Александрович, с.н.с. Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований ИЕ РАН.

провозглашена независимая Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), признанная лишь Анкарой. Особую остроту «кипрский вопрос» получил в 1990 г. после того, как Республика Кипр подала самостоятельную заявку на членство в Европейском союзе. Не смотря на сохранявшийся фактический раздел острова, в конце 2002 г. заявка была удовлетворена, и в 2004 г. Кипр стал членом ЕС.

Новой попыткой разрешить конфликт стал предложенный в 2003 г. Генеральным Секретарём ООН К. Аннаном план кипрского урегулирования (план Аннана)⁹⁰. Проект предусматривал создание конфедеративной республики, состоящей из двух равноправных государств – греческого и турецкого, с собственными парламентами и двухпалатным законодательным собранием на уровне конфедерации. План Аннана, объёмом около 9 тысяч страниц, содержал следующие основные пункты:

- сокращение количества греческих беженцев, желающих вернуться в северную часть острова, с 21 до 18% от численности населения турок-киприотов;

- сокращение турецкой территории Кипра на 7% (до 29% от общей территории острова), что позволило бы 120 тыс. греков-киприотов вернуться к родным очагам;

- ограничение прав на собственность греков-киприотов в северной части острова до тех пор, пока уровень жизни двух соседствующих общин не сравняется;

- равное представительство двух частей острова в сенате единого Кипра;

- право Турции сохранить свой воинский контингент на острове, пока она не войдёт в ЕС.

Предусматривалось также, что договоры, подписанные между ТРСК и Турцией, которые позволяли ей использовать морское и воздушное пространство острова, останутся в силе.

Однако на состоявшемся 24 апреля 2004 г. референдуме 76% греков-киприотов отвергли предложенный план, в то время как в турецкой части острова 67% проголосовало «за».

---

⁹⁰ Basis for a comprehensive settlement of the Cyprus problem. 2003. URL: http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2004/annan-cyprus-problem_maps_26feb03.pdf.

Следующим важным этапом на пути урегулирования кипрской проблемы можно считать май 2008 г. Сигналом к возобновлению переговорного процесса стало избрание в начале года президентом Республики Кипр Д. Христофиаса. Новые лидеры греческих и турецких киприотов заявили о своей приверженности идее воссоединения острова на основе принципа двухобщинной, двухзональной федерации и политического равенства, как определено Резолюцией Совета Безопасности ООН⁹¹. Предполагалось равноправие двух государств, составляющих федерацию, которая должна обрести единое правительство и представительство на международной арене. Показателем готовности обеих сторон к переговорам стало решение открыть КПП между греческой и турецкой частями острова в самом центре столицы Кипра Никосии. Улица Ледра, где расположен КПП, считается одним из символов разделённого Кипра. Её пересекает так называемая «зелёная линия» – буферная зона, находящаяся под контролем миротворческих сил ООН.

В 2008 г. в рамках официального переговорного процесса состоялся целый ряд встреч между лидерами кипрских общин М. Талатом и Д. Христофиасом. Кроме того взаимодействие между сторонами осуществлялось в рамках шести рабочих групп и семи технических комитетов. Результаты их работы, казалось, открыли путь к полномасштабным договорённостям между лидерами обеих сторон, которые при посредничестве спецпредставителя Генерального секретаря ООН только в ноябре 2008 г. встречались шесть раз. Тем не менее, стороны переговорного процесса главным образом ограничивались озвучиванием давно уже сформулированных положений, не предлагая по сути ничего нового. В ходе переговоров обсуждались вопросы законодательства и формирования правительства будущей федерации. Представители турок-киприотов продолжали настаивать на дальнейшем снижении процента греков-киприотов на своей территории, добивались гарантий от судебных преследований по искам потерявших своё имущество после турецкого вторжения в 1974 г. беженцев. Греки-киприоты в свою очередь остались не-

---

⁹¹ S/RES/1475 (2003) URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/323/10/PDF/N0332310.pdf?OpenElement>.

довольны уступками, сделанными ООН туркам-киприотам.

3 декабря 2008 г. состоялась 13-я за год встреча в рамках переговоров по комплексному урегулированию ситуации на острове. В ходе обсуждения была затронута тема неоднозначных, по мнению греко-кипрской стороны, действий Турции в Средиземном море, что могло бы негативно повлиять на мирные переговоры. В ноябре того же года турецкий военный флот помещал двум нанятым Кипром норвежским исследовательским судам провести геологоразведочные работы на шельфе острова в эксклюзивной экономической зоне острова. В свою очередь переговоры греко-кипрской стороны с «Газпромом» о приобретении сжиженного природного газа стали причиной усиления напряжённости в отношениях Республики Кипр с Турцией. Последняя выразила недовольство в связи с поисками Кипром нефти и газа в спорных районах Средиземноморья.

Немаловажным фактором, способным существенно «продвинуть» решение кипрской проблемы, могло бы стать более активное участие Европейского Союза. Вступление Кипра в ЕС, казалось бы, должно было ускорить процесс нормализации отношений на острове. Тем не менее, обретение Кипром статуса страны-члена ЕС сразу же вскрыло всю парадоксальность ситуации. И парадокс состоял в стремлении Турции также стать членом Евросоюза. Турецкая Республика подписала договор об ассоциации с ЕС в 1963 г. С заявкой на членство в Евросоюзе она обратилась ещё в 1987 г. Статус кандидата на приём в ЕС Турция получила в 1999 г., а переговоры о её вступлении в ЕС ведутся с 2005 г. Однако решительное нежелание Анкары признавать Кипр как страну-члена ЕС, по сути, стало одним из главных препятствий на её пути в Европейский союз, несмотря на уже достигнутый значительный прогресс в переговорном процессе: на сегодняшний день активировано 14 из 35 тематических глав переговорного досье. Помимо соблюдения экономических и политических критериев для допуска в свои ряды⁹², Евросоюз требует разрешить кипрский конфликт. Но его реше-

---

⁹² Язькова А. А. Процессы интеграции стран Юго-Восточной Европы в НАТО и ЕС. Юго-восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. Под ред. Язьковой А. А. М., «Весь мир». 2007. С. 275-276, 282-283.

ние даст Турции основания настаивать на приёме в ЕС, что для Брюсселя на современном этапе крайне нежелательно⁹³, тем более на фоне обострения ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. С другой стороны, неготовность Турции терять своё влияние на севере Кипра может привести её к идее отказаться от сближения с ЕС и начать поиск сотрудничества с другими региональными организациями. Всё же Евросоюз не без оптимизма оценивает шансы объединения острова и готов оказать ему финансовую помощь, если такое объединение состоится⁹⁴.

В 2009 г. переговоры лидеров греческой и турецкой частей острова продолжились, хотя встречи в целом проходили уже с очевидными пробуксовками – в результате апрельских выборов к власти в ТРСК пришли новые политические силы, считавшие объединение острова неприемлемым. Дополнительным негативным фактором стал мировой экономический кризис. Основными спорными темами в переговорах по-прежнему оставались вопросы гармонизации законодательной базы и прав собственников недвижимости. Греки-киприоты настаивали на том, чтобы иметь возможность выбрать: вернуться ли в свои бывшие дома или получить материальную компенсацию, или обменять старое жилище на новое.

Переговорный процесс возобновился в 2014 г., на этот раз уже при активной поддержке США. В мае на острове с визитом побывала помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии В. Нуланд. Вице-президент США Дж. Байден также провёл ряд телефонных разговоров с лидерами кипрских общин. Тем не менее, говорить о полновесной поддержке Соединёнными Штатами переговорного процесса на Кипре в краткосрочной перспективе, учитывая предстоящие в 2016 г. выборы президента США, когда приоритетом становятся внутренние дела, не приходится.

---

⁹³ Кандель П.Е. Региональные конфликты в Европе и их урегулирование: Южная Осетия, Абхазия, Косово, Приднестровье, Нагорный Карабах, Кипр. Безопасность Европы. «Старый Свет – новые времена». Под ред. В.В. Журкина. М., «Весь мир». 2011. С. 209-210.

⁹⁴ Юнкер: ЕК дополнительно поможет Кипру при успешном объединении острова. URL: <http://ria.ru/world/20150716/1132593493.html>.

Перспектива активизации переговорного процесса на Кипре вновь стала реальной после смены руководства в ТРСК в апреле 2015 г. Новый лидер Северного Кипра М. Акынджи, в отличие от своего предшественника Д. Эроглу, выступает за ослабление опеки Турции. От того, насколько он будет действительно самостоятелен, во многом и зависят позитивные сдвиги в решении застарелой проблемы. М. Акынджи уже пообещал возобновить переговоры с коллегой Н. Анастасиадисом и решить вопрос за пять лет (срок его президентского мандата). Намереваясь добиться большего доверия к руководству Северного Кипра со стороны греков-киприотов, он, как проявление доброй воли, выразил готовность рассмотреть возможность передачи им пограничного города Варошу, где никто не живёт с 1974 г. Со своей стороны, Президент Республики Кипр Н. Анастасиадис назвал многообещающим избрание М. Акынджи главой ТРСК. Особое отношение к кипрской проблеме и своё видение её решения озвучил в мае 2015 г. Президент Турции Т. Эрдоган, выступив с призывом к грекам-киприотам больше «не затруднять процесс переговоров и предпринять для этого искренние усилия»⁹⁵. По его словам: «Греция также должна внести необходимый вклад в решение проблемы, объединив усилия с Турцией».

Определённую роль в активизации переговоров по кипрскому вопросу может сыграть и Россия, учитывая постепенное усиление её влияния в Восточном Средиземноморье (Сирийский вопрос), а также тесные финансово-экономические связи с Кипром. Так, в 2014 г. Кипр позволил российским ВВС использовать авиабазу в Пафосе, а также размещать свои военно-морские суда в порту Лимассол (в гуманитарных целях, для дозаправки, а также в рамках совместной программы по противодействию терроризму и пиратству). В 2015 г. в ходе визита Президента Кипра в Москву все достигнутые ранее договорённости по вопросам эксплуатации аэродрома и порта были подтверждены.

Все минувшие годы основной темой дискуссий между сторонами конфликта по-прежнему остаётся вопрос о характере общего федеративного государства двух общин, где они имели

---

⁹⁵ Президент Турции рассчитывает на решение кипрской проблемы в 2015 г. URL: <http://ria.ru/world/20150506/1062989586.html>.

бы равный статус. Однако пока переговоры не дали каких-либо видимых результатов. Каждый их раунд, как правило, начинается с большим энтузиазмом и с не меньшими ожиданиями, но неизменно заканчивается резким спадом активности обеих сторон под разными предлогами. Главная цель переговоров – сосуществование двух общин в рамках единого государства – не достигнута. И вряд ли это произойдёт скоро. Неизменным остаётся одно: решение таких сложных и противоречивых проблем без должного и аккуратного содействия со стороны мирового сообщества – вопрос неблизкого будущего.

А.И. Тэвдой-Бурмули*

ФЛАМАНДСКИЙ СЕПАРАТИЗМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Фламандский сепаратизм имеет более чем столетнюю историю – но лишь в последние два десятилетия он превратился из латентного феномена в значимое политическое явление, видимое внешнему наблюдателю. Резкий взлёт популярности фламандского национализма пришёлся на конец 80-х – 90-е гг. прошлого века – и был связан с выходом на политическую арену Фламандского Блока. На общенациональных выборах 1987 г. Блок получил 3% голосов и три места в парламенте, а через год на местных выборах завоевал 23 места в 10 муниципальных советах. На парламентские выборы 1991 г. партия вышла – наряду с традиционными для правых призывами борьбы с преступностью и повышения рождаемости – под лозунгами полной независимости Фландрии и отказа от интеграции иммигрантов неевропейского происхождения. Ноябрьские выборы 1991 г. принесли Блоку 10,4% голосов фламандских избирателей, что позволило увеличить представительство ФБ в обеих палатах бельгийского парламента с 3 до 18 депутатов. Результат, ошеломивший противников Блока, показал эффективность избранных партией программных приоритетов. Рост числа иммигрантов-неевропейцев и их концентрация в крупных городах породили ситуацию социокультурного шока, благоприятную для усиления

---

* Тэвдой-Бурмули Александр Изяславович, к.и.н., доцент МГИМО МИД РФ.

ксенофобских настроений в среде коренного населения. Более 65% проголосовавших за ФБ поддержали позицию Блока в отношении иммигрантов⁹⁶. В 1993 г. 54% опрошенных бельгийцев полагали чрезмерным количество проживающих в Бельгии иммигрантов извне ЕС⁹⁷, а 32% вообще выступали против приёма таковых из наиболее «проблемного» региона – стран Южного Средиземноморья⁹⁸.

С другой стороны, партия умело использовала напряжение, десятилетиями нараставшее в отношениях двух конституировавших бельгийское государство субъектов – Фландрии и Валлонии. Рост региональных диспропорций, ставший следствием модернизации бельгийской экономики в 1950–60-х гг., привёл к существенному снижению доли франкоговорящей Валлонии в ВВП и экспорте Бельгии. При этом франкоговорящая община сохраняла доминирующие позиции в бельгийской политике, что, по мнению фламандских националистов, никак не соответствует реальному весу региона.

Успех Блока стал симптомом кризиса бельгийского политической элиты. 32% сторонников ФБ в качестве мотива голосования назвали разочарование в деятельности традиционных партий. 21% проголосовавших за Блок ранее поддерживали социалистов, 14,2% голосов уступили Блоку христианские демократы.

Последующее десятилетие стало периодом успешного проникновения Блока в истеблишмент. На муниципальных выборах 1994 г. Блок получает 204 места в 86 муниципальных советах (против 23 мест в 10 советах на выборах 1988 г.) и, опираясь на 28% голосов, формирует крупнейшую фракцию в городском совете Антверпена. На парламентских выборах 1999 г. Блок обходит фламандских социалистов с результатом 15,4%, что позволяет ему провести в общей сложности 43 депутата в бельгийский и фламандский парламенты. XXI в. ФБ встретил, взяв под

---

⁹⁶ Billiet J. H. de Witte Attitudinal dispositions to vote for a «new» extreme right-wing party: the case of «Vlaams Blok». *European Journal of political research*. Vol. 27. № 2. P. 185.

⁹⁷ Eurobarometer 39. June 1993. – Luxembourg. 1993. P.A51.

⁹⁸ Ibid. P.A52.

контроль по итогам местных выборов Антверпен (33% голосов), Мехелен (26%), и став крупнейшей фламандоязычной партией Брюсселя (4,5% на выборах 1999 г.).

Осенью 2004 г. решением суда ФБ был распущен по обвинению в пропаганде расизма, однако воскрес месяцем позже как партия Фламандский интерес. Программа ФИ основывалась на всё тех же доказавших свою популярность установках: достижение независимости Фландрии и ужесточение иммиграционного режима. На выборах 2007 г. ФИ получил 12% голосов и сформировал фракцию из 17 депутатов.

Таблица 1

Итоги выборов в нижнюю палату бельгийского парламента (1981–2007 гг.) (% голосов/количество мест)⁹⁹

	1981		1985		1987		1991		1995		1999		2003		2007	
ФЛД/VLD	12,9	28	10,7	22	11,5	25	12	26	13,1	21	14,3	23	15,4	25	11,8	18
ХДФ/CDV	19,3	43	21,3	49	19,5	43	16,8	39	17,2	29	14,1	22	13,3	21	18,5	25
НФА/VA	9,8	20	7,9	16	8,0	16	5,9	10	4,7	5	5,6	8	3,1	1	5	5
ДР/MR	8,6	24	10,2	24	9,4	23	8,1	20	10,3	18	10,1	18	11,4	24	12,5	23
ФИ/VB	1,1	1	1,4	1	1,9	2	6,6	12	7,8	11	9,9	15	11,7	18	12,0	17
СПД/SP-A	12,4	26	14,5	32	14,9	32	12,0	28	12,6	20	9,5	14	14,9*	23	10,3*	14
ЭКОЛО /ECOLO	2,2	2	2,5	5	2,6	3	5,1	10	4,0	6	7,4	11	3,1	4	5,1	8
АГАЛЕВ/ AGALEV	2,3	2	3,7	4	4,5	6	4,9	7	4,4	5	7,0	9	2,5	–	4,0**	4
ГДЦ/CDH	7,2	18	8,0	20	8,0	19	7,7	18	7,7	12	5,9	10	5,5	8	6,1	10
СП/PS	12,7	35	13,8	35	15,6	40	13,5	35	11,9	21	10,2	19	13,0	25	10,9	20
НФ/FN	–	–	–	–	–0,1	–	1,1	1	2,3	2	1,5	1	2,0	1	2,0	1
ДФФ/FDF	4,2	8	1,2	3	1,2	3	1,5	3	–	–	–	–	–	–	–	–
ЛД/LDD	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–4,0	4
Другие	12,9	5	12,4	1	11,8	–	4,8	3	4,0	–	4,6	–	4,1	–	2,8	–

* вместе со SPIRIT (фламандские левые либералы).

** под названием Фламандские зелёные.

ФЛД: Фламандские либералы и демократы (до 1991 – Фламандская либеральная партия); ХДФ: Христианские демократы и фламандцы; НФА: Новый фламандский альянс (до 1999 г. – Народный союз); ДР: Реформистское движение; ФИ: Фламандский интерес (до 2005 г. – Фламандский блок); СП-Д: Социалистическая партия – Другие (Фландрия); ЭКОЛО: Валлонские

⁹⁹ Parties and elections in Europe. Belgium. URL: <http://www.parties-and-elections.de/belgium.html>; <http://www.parties-and-elections.de/belgium2.html>.

экологи́сты; АГАЛЕВ: Жить иначе (Фламандские экологи́сты); ГДЦ: Гуманистический демократический центр (до 2002 г. – Социал-христианская партия); СП: Социалистическая партия (Валлония); НФ: Национальный фронт; ДФФ: Демократический фронт франкофонов; ЛД: Лист Дедекера.

Подобный результат сам по себе вряд ли можно было бы считать весомым вкладом в копилку фламандского сепаратизма. Следует учесть, однако, два важных обстоятельства. Во-первых, к этому времени Фламандский интерес был не единственной партией региона с отчётливо сепаратистскими программными установками. В начале 2000-х гг. после раскола существовавшей ещё с послевоенного времени партии Народный союз (Volksunie) на политическую арену Фландрии выходит Новый фламандский альянс. От своего предшественника НФА унаследовал регионалистскую программу, до поры до времени не слишком востребованную фламандским избирателем. Однако 1990-е гг. изменили конъюнктуру политического рынка Фландрии: Фламандский блок – отчасти за счёт привлечения антииммигрантской риторики – вывел тему сепаратизма из маргинальной зоны. В то же время, радикализм ФБ не позволял последнему стать партией истеблишмента. Блок, а равно и созданный на его основе Фламандский интерес, оставался в «серой зоне» фламандской политики; по неформальной договорённости, ведущие партии блокировали участие ФБ/ФИ в правительственных и предвыборных коалициях.

И эту конъюнктуру успешно использовал Новый фламандский альянс – столь же регионалистски ориентированный, но традиционно более уважаемый. И если на выборах 2003 и 2007 гг. он набрал лишь чуть более 3% голосов фламандского электората, то в 2010 г. за НФА отдали свои голоса уже 17,4%, а в 2014 г. – 20,3%. Тем самым сепаратистская по сути партия стала доминирующей политической силой Фландрии, оттеснив на второе место Христианских Демократов и Фламандцев (ХДФ). Всё это несколько напоминает историю шотландских националистов, поднявшихся за 50 лет с позиции партии региональной политики до доминирующей силы региона, навязывающей свой дискурс уважаемым партиям истеблишмента.

Своего рода «синдром кукушки»: маргинальная политическая сила захватывает политический ландшафт и вынуждает потесниться его достопочтенных обитателей.

И это подводит нас ко второму важному обстоятельству. Популярность выдвигаемых фламандскими сепаратистами идей вынуждает играть на этом поле и партии истеблишмента. Сепаратистские лозунги постепенно выходят из маргинальной зоны и вводятся в обиход политического мейнстрима. Так, в сентябре 2004 г. министр иностранных дел Бельгии фламандский либерал К. де Гухт заявил на совещании бельгийских послов о возможности проведения в будущем «дифференцированной» валлонской и фламандской внешней политики. В частности, было предложено разделить голоса Валлонии и Фландрии при голосовании в Совете ЕС, поскольку интересы регионов – особенно по вопросам отраслевой политики – часто не совпадают. А лидер фламандских христианских демократов и долгое время премьер-министр Бельгии И. Летерм как-то допустил откровенно оскорбительные замечания в адрес валлонов, заявив, что у них недостаточно способностей для изучения фламандского языка. Можно констатировать, что часть фламандского политического истеблишмента постепенно переходит на позиции национализма – и, следовательно, при оценке потенциала этой части фламандского политического спектра надо учитывать и электоральные результаты таких партий истеблишмента, как, в первую очередь, Христианские Демократы и Фламандцы.

Если проанализировать совокупные показатели всех партий, в той или иной степени исповедующих фламандский регионализм вплоть до сепаратизма, то получим следующие результаты.

На выборах 2007 г. ХДФ выступили в блоке с НФА (что, безусловно, подтверждает тезис о сползании фламандских христианских демократов на позиции радикального регионализма) и получили вместе со своими младшими партнёрами 18,5% голосов. Фламандский интерес набрал тогда же 12%. В сумме, таким образом, регионалисты получили во Фландрии 30,5%, разделённых практически пополам между радикальными и умеренными (ХДФ) силами.

На выборах 2010 г. ХДФ получил 10,9%, показатели НФА взлетели до 17,3%, в то время как ФИ спустился до 7,8% (очевидно, за счёт успеха соседей из НФА). В итоге общий зачёт регионалистов составил 36,1% – при этом доля радикалов составила 25,2%.

На выборах 2014 г. НФА улучшил свой предшествующий результат на 3%. Около 4% потерял Фламандский интерес (что ещё раз доказывает, что НФА и ФИ образуют систему сообщающихся сосудов), а ХДФ получил на 0,7% больше, чем в 2010 г. В сумме регионалисты набрали 35,6%.

Таблица 2

Электоральные результаты партий Фландрии на выборах в нижнюю палату бельгийского парламента в 2010 и 2014 гг. (% голосов)¹⁰⁰

	2010	2014
Христанские Демократы и Фламандцы	10,9	11,6
Новый Фламандский Альянс	17,4	20,3
Фламандские Либерал-Демократы	8,6	9,8
Фламандский интерес	7,8	3,7
СПА (социалисты)	9,2	8,8
Зелёные	4,4	5,3

Очевидно неуклонное снижение показателей Фламандского интереса на протяжении последних трёх избирательных циклов. В сочетании с неуклонным же усилением Нового Фламандского альянса это говорит о перетекании электоральной поддержки от сепаратистов к более умеренным регионалистам. Однако в лагере регионалистов при этом усиливается его радикальное крыло: уважаемые регионалисты из ХДФ скатились до позиции второй партии Фландрии, а доминировать стал НФА, программа которого предусматривает переход Бельгии к конфедеративному устройству. При этом совокупный потенциал регионалистов возрос за последние 15 лет приблизительно на 5% (см. табл. 1 и 2), зафиксировавшись в районе 35-36% регионального электората. Регионализм достиг нового плато, сделался более привычным – и, следовательно, менее пугающим.

¹⁰⁰ Parties and elections in Europe. URL: <http://www.parties-and-elections.eu/belgium.html>.

Чтобы оценить перспективы Бельгии в свете этой констатации надо инвентаризовать центробежные и центростремительные силы, оказывающие влияние на бельгийскую политику.

Центробежные силы, работающие на разрыв бельгийского государства, очевидны.

В первую очередь это экономическая динамика бельгийских регионов. Существующие диспропорции в развитии Фландрии и Валлонии всегда активно эксплуатировались фламандскими регионалистами в качестве доказательства правоты избранного ими курса. И следует признать, что пока у них сохраняется достаточно весомые аргументы. Показатели безработицы в Валлонии в два с лишним раза превосходят фламандские (10% против 4,5%¹⁰¹). Валлонский ВРП на душу населения в 2012 г. составлял 26100 евро, в то время как аналогичный показатель Фландрии равнялся 32700 евро.

4,6 млрд евро ежегодно – таков размер трансферта из бюджета Фландрии в бюджет валлонский. Конечно, это не слишком много – чуть более 2% фламандского регионального продукта. Однако этот аргумент постоянно эксплуатируется фламандскими регионалистами как доказательство экономической невыгодности сосуществования с валлонами в едином государстве.

Другим центробежным фактором является сохраняющаяся ситуация иммиграционного бума. Антииммигрантская риторика была инструментом, с помощью которого радикальные фламандские сепаратисты зарабатывали себе электоральные очки ещё в 90-е гг. прошлого века. Нет никаких оснований считать, что таковым она не будет и впредь.

Среди сил центростремительных, удерживающих Бельгию от угрозы распада, ведущая роль принадлежит институту монархии. Согласно опросам, фламандцы поддерживают монархию в той же степени, что и население других регионов Бельгии. За последние годы бельгийские короли неоднократно демонстрировали свою способность выступать арбитром в ситуациях частых правительственных кризисов. Если накопленный коронной политической капитал не будет растрочен, монарх и

---

¹⁰¹ Flanders Outlook 2014. P. 14. URL: <http://www4dar.vlaanderen.be/sites/svr/publicaties/Publicaties/vlaanderen-vergeleken/2014-01-30-flanders-outlook2014.pdf>.

впредь будет способен цементировать слабеющую бельгийскую государственность.

Другим сдерживающим фактором является членство Бельгии в ЕС. Лидеры ЕС неоднократно давали понять, что негативно относятся к сепаратистским тенденциям в странах-членах. В частности, ещё Председателем КЕС Р. Проди в начале 2000-х гг. было заявлено, что в случае распада какой-либо страны-члена ЕС вновь образовавшиеся государства не унаследуют членство в ЕС, а будут вынуждены проходить весь цикл вступления в ЕС заново.

Суммируя, можно заключить, что пока реальной опасности дезинтеграции Бельгии не существует. Однако есть определённое накопление центробежного потенциала – и очевидно, что при сохранении существующих тенденций этот потенциал имеет все шансы перейти в новое качество. И тогда мы увидим новую Бельгию – и, возможно, новую Фландрию. Но это – лишь долгосрочная перспектива. А долгосрочные перспективы всегда изобилуют непрогнозируемыми вводными, способными изменить текущую тенденцию.

**В 2014–2015 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

302. Европейская культура: вызовы современности. Под ред. Е.В. Водопьяновой. ДИЕ РАН, № 302, М., 2014 г.
303. Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы. Под ред. А.И.Бажана и др. ДИЕ РАН, № 303, М., 2014 г.
304. Германия. 2013. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 304, М., 2014 г.
305. Португалия: 40 лет после революции. Что дальше? Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ РАН, № 305, М., 2014 г.
306. Итальянская республика в меняющемся мире. Под ред. А.А. Язьковой. ДИЕ РАН, № 306, М., 2014 г.
307. Н.М.Антюшина. Арктика: новый формат международного сотрудничества. ДИЕ РАН, № 307, М., 2014 г.
308. А.А.Канунников. Европейский Союз – Латинская Америка: экономическое, политическое, социальное сотрудничество. ДИЕ РАН, № 308, М., 2014 г.
309. Великобритания в преддверии всеобщих парламентских выборов в 2015 г. Под ред. Е.В.Ананьевой. ДИЕ РАН, № 309, М., 2014 г.
310. Россия – ЕС: особенности экономических отношений в современных условиях. Часть I. Под ред. А.И.Бажана и др. ДИЕ РАН, № 310, М., 2014 г.
311. Россия – ЕС: особенности экономических отношений в современных условиях. Часть II. Под ред. А.И.Бажана и др. ДИЕ РАН, № 311, М., 2014 г.
312. Германия. 2014. Часть I. Экономика. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 312, М., 2015 г.
313. Германия. 2014. Часть II. Политика. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 313, М., 2015 г.
314. Роль малых партий в партийно-политической системе Германии. Под ред. В.Б.Белова, Е.П.Тимошенко. ДИЕ РАН, № 314, М., 2015 г.
315. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. Под ред. Н.Б.Кондратьевой (отв. ред), О.Ю.Потемкиной. ДИЕ РАН, № 315, М., 2015 г.
316. Италия: от Второй Республики к Третьей? Под ред. Е.А.Масловой. ДИЕ РАН, № 316, М., 2015 г.
317. Евроинтеграция Украины: перспективы, последствия и политика России. Под ред. А.И.Бажана. ДИЕ РАН, № 317, М., 2015 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2014–2015

302. The European culture: the challenges of modernity. Ed. by E.V. Vodopyanova. Reports of the IE RAS, № 302, M., 2014.
303. Eurointegration: impact on economic development of Central and Eastern Europe. Ed. by A.I. Bazhan and others. Reports of the IE RAS, № 303, M., 2014.
304. Germany. 2013. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 304, M., 2014.
305. Portugal: 40 Years after the Revolution. What is Next? Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 305, M., 2014.
306. The Italian Republic in a Changing World. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 306, M., 2014.
307. N.M.Antyushina Arctic: a New Framework of the International Cooperation. Reports of the IE RAS, № 307, M., 2014.
308. A.A.Kanunnikov. European Union – Latin America: economic, political, social cooperation. Reports of the IE RAS, № 308, M., 2014.
309. UK moving towards general election – 2015. Ed. by E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, № 309, M., 2014.
310. Russia – EU: peculiarities of economic relations in present conditions. Part I. Ed. by A.I.Bazhan and others. Reports of the IE RAS, № 310, M., 2014.
311. Russia – EU: peculiarities of economic relations in present conditions. Part II. Ed. by A.I.Bazhan and others. Reports of the IE RAS, № 311, M., 2014.
312. Germany. 2014. Part I. Economy. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 312, M., 2015.
313. Germany. 2014. Part II. Policy. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 313, M., 2015.
314. The role of small parties in party-political system of Germany. Ed. by V.B.Belov, E.P.Timoshenkova. Reports of the IE RAS, № 314, M., 2015.
315. Migration in Europe: problems and remedies. Ed. by N.B.Kondratyeva, O.Yu.Potemkina. Reports of the IE RAS, № 315, M., 2015.
316. Italy: from the Second Republic to the Third? Ed. by E.A.Maslova. Reports of the IE RAS, № 316, M., 2015.
317. Euro integration of Ukraine: prospects, consequences and Russia's policy. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, № 317, M., 2015. Reports of the IE RAS, № 316, M., 2015.